

того, его можно было считать придворнымъ чиновникомъ, и хотя онъ не имѣлъ никакого титула, но исполнялъ при дворѣ разныя обязанности. Считааясь подскарбіемъ, онъ завѣдывалъ королевской казной и смотрѣлъ за монетнымъ дворомъ, а въ городѣ занималъ должности войта и раднаго, то есть члена совѣта въ ратушѣ.

Вѣржинокъ велъ обширную торговлю разными товарами, и купцы считали его своимъ главой. Землевладѣльцы нуждались въ немъ изъ-за денегъ, а духовенство уважало его за щедрость. Наконецъ, король, переименовавъ его изъ нѣмецкаго Верзинга въ польскаго Вѣржинка, желая оправдать его имя, — довѣрялъ ему во всемъ и отдавалъ въ его вѣрныя руки все безъ всякаго счета. Въ немъ онъ имѣлъ вѣрнаго слугу, который готовъ былъ пожертвовать для него жизнью, деньгами и всѣмъ имуществомъ.

Онъ былъ небольшого роста, среднихъ лѣтъ, крѣпкій, ловкій, подвижный, и хотя часто хмурилъ свой лобъ, такъ какъ было о чемъ думать, но на устахъ его всегда была ласковая улыбка.

Лицо Миклаша, какъ его обыкновенно звали, хотя было некрасивое, но умное, доброе, скокойное. Если-бъ на немъ отражались всякія заботы, хлопоты и разочарованія и если-бъ онъ все принималъ близко къ сердцу, то навѣрное не выдержалъ бы и пальъ подъ тяжкимъ бременемъ.

Такимъ образомъ, Вѣржинокъ постоянно хлопоталъ, вставая съ зарею, работая часть ночи и весь день. Онъ ходилъ и ѣздилъ то въ Велички, то въ Олькушъ, то въ Новый Сончъ, то за границу по своимъ или по королевскимъ дѣламъ, которыхъ у него было больше, чѣмъ у другихъ и съ которыми обыкновенный человѣкъ не могъ бы справиться. Между тѣмъ у него на все хватало памяти, ума и времени, хотя никогда не елѣшилъ. Король совѣтовался съ нимъ даже въ томъ, что, казалось, его не касается; мѣщане ничего не дѣлали безъ него; купцы не дѣлали ни шагу, не посовѣтовавшись съ нимъ или не попросивъ его помочь. Въ своемъ домѣ онъ не дѣлился ни съ кѣмъ своимъ трудомъ и никогда не пользовался посторонними услугами. Такъ какъ двое сыновей умерли, оставивъ ему внуковъ, то и о нихъ еще приходилось заботиться; жена тоже

умерла отъ тоски по дѣтямъ, и онъ остался одинъ наблюдать за всѣмъ, что проходило черезъ его руки и касалось его управленія.

Разумѣется, у него было много челяди и служащихъ, въ особенности изъ молодежи, которую родители охотно отдавали ему въ ученіе по торговой части. Послѣдніе исполняли всѣ приказанія, исходившія только лично отъ хозяина, а если случалось, что онъ уѣзжалъ и не возвращался дольше, чѣмъ предполагалъ, то всѣ дѣла на время приостанавливались, потому что никто его не могъ замѣнить.

Дворецъ богатаго мѣщанина, хоть и каменный, не бросался въ глаза своимъ наружнымъ великолѣпіемъ, хотя онъ былъ громадный и хотя владѣлецъ расширялъ его каждый годъ пристройками амбаровъ, складовъ, сараевъ и жилыхъ помѣщеній для постороннихъ, заѣзжихъ людей. Каждый день въ ворота его дома въѣзжали возы съ товарами и цѣлые караваны, сопровождаемые вооруженною стражею, такъ какъ въ то время нельзя было провозить по дорогамъ товаровъ безъ сильной охраны: вездѣ было полно разбойническихъ шакъ, которыя только и подстерегали добычу, охотясь на нее, какъ на звѣря.

Мальчиковъ и приказчиковъ у него было полные дворы: одни вѣшали и принимали, другіе отпускали покупателямъ товаръ, третьи записывали и досматривали за пріемомъ и отпускомъ, словомъ, у всѣхъ было дѣло и всѣ были заняты торговлей. Въ сѣняхъ и избахъ было всегда много народа, ожидавшаго отъ него слова; на дворахъ постоянное движеніе и торговля. Многіе теряли въ этой сутолокѣ головы, между тѣмъ какъ онъ однимъ взглядомъ понималъ въ чемъ дѣло, и прежде чѣмъ его спрашивали какъ поступить, онъ ужъ отвѣчалъ имъ, зная заранѣе, о чемъ его стануть спрашивать.

Онъ говорилъ отрывисто и коротко, какъ полководецъ во время военныхъ дѣйствій, и то, что онъ приказывалъ, моментально исполнялось, ибо не понималъ непослушанія и медленности.

Люди часто видѣли этого богача, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ королемъ и своимъ богатствомъ смущалъ, быть можетъ, не одного изъ князей, когда онъ, возмущенный медленностью или неловкостью кого-либо изъ своей

челяди, вспоминалъ прежнія времена и самъ принимался таскать тюки, развязывать возы и распаковывать ящики, уча молодежь, какъ надо приниматься за дѣло, не теряя понапрасно времени. Онъ всегда былъ дѣятельнымъ, хотя и не спѣшилъ и рѣдко когда садился отдохнуть. Въ пустыхъ бесѣдахъ тоже не проводилъ время, и часто король смѣялся надъ нимъ, что онъ, будучи вынужденнымъ слушать пустую болтовню, думалъ въ это время о болѣе важныхъ и серьезныхъ вещахъ.

У него на дворѣ всегда стояла осѣдланная или запряженная лошадь, такъ какъ онъ не зналъ ни дня, ни часа, куда его потребуютъ по дѣламъ, которые онъ долженъ былъ тотчасъ исполнить.

Встрѣтивъ его въ дорогѣ или на улицѣ, никто въ немъ не могъ бы узнать извѣстнаго Вѣржинка, потому что онъ одѣвался съ виду очень скромно и его одежда никому не бросалась въ глаза. Только присмотрѣвшись внимательнѣе, можно было видѣть, что было на немъ и вокругъ него, какія на немъ были надѣты ткани и драгоценности. Каждая вещь была подобрана такъ тонко и аккуратно, что не обращала на себя вниманія, а между тѣмъ стояла громаднѣе денегъ, и не каждый могъ ихъ носить. Онъ любилъ красивыя и дорогія вещи, которые шли къ нему возами со всего свѣта.

Комнаты, въ которыхъ онъ принималъ своихъ друзей, купцовъ, дворянъ, мѣщанъ и разныхъ другихъ гостей, тоже не отличались ни особеннымъ богатствомъ, ни изящностью. Только въ глубинѣ дома, гдѣ онъ самъ жилъ съ своей семьей и гдѣ принималъ самыхъ близкихъ людей, можно было видѣть заморскія ткани, миниатюрную рѣзбу изъ слоновой кости и дерева, разное стекло, эмалированную посуду, фарфоръ, металлы, драгоценныя камни и ковры. Эти комнаты были обиты фламандскими тканями и полы устланы восточными мягкими коврами; у стѣнъ стояли рѣзные сундуки, служившіе для сидѣнья и покрытые мягкими подушками; въ шкафахъ и на нихъ стояла разная золотая и серебряная посуда, въ видѣ бакаловъ, кубковъ, флягъ и кувшиновъ тонкой, эмалированной работы.

Все это привозили ему изъ Италіи, Франціи, Испаніи, съ Востока и изъ всѣхъ тѣхъ странъ, съ которыми онъ имѣлъ тор-

говья сношенія, и что ему больше нравилось и казалось лучшимъ, то онъ оставлялъ для себя. А такъ какъ и король любилъ прекрасныя произведенія рукъ человѣческихъ и промышленности, то онъ поставлялъ ихъ въ его казну и въ церкви. Онъ любилъ драгоценности, хотя и не носилъ ихъ. Только въ большіе праздники или торжественные дни онъ надѣвалъ золотую цѣпь или перстень, да и то старался, чтобы они не бросались въ глаза мѣщанамъ, которымъ ихъ нельзя было носить.

Тогдашніе законы строго запрещали имъ роскошь во всемъ, какъ въ одеждѣ, такъ и въ яствахъ, какъ напримѣръ, на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ и забавахъ.

Какъ онъ, такъ и покойная его жена, его дѣти и внуки, когда шли въ церковь или показывались на улицахъ, всегда старались одѣваться такъ, чтобы не отличаться отъ другихъ мѣщанъ, хотя и при этой скромности съ ними не могли тягаться самые богатые, какъ напримѣръ: Авилей, Виганды, Бохнеры, Кемпы и Кечери, которыхъ Миклашъ называлъ своими братьями. Хотя и дворяне желали удостоиться чести быть этими «братьями», но онъ не особенно брался съ ними.

Когда Коханъ Рава пришелъ на дворъ Вѣржинка, послѣдній стоялъ на немъ въ шубкѣ и мѣховой шапкѣ, смотря на сани, только что прибывшія изъ Пруссіи съ большими ящиками разнаго товара.

Увидѣвъ Раву, котораго король часто посылалъ къ Миклашу съ устными порученіями, онъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и съ обыкновенной своей добродушной улыбкой издали приветствовалъ его.

— Прямо изъ замка?—спросилъ онъ.—Что хорошаго?

По грустному лицу Кохана легко было догадаться, что онъ пришелъ съ неутѣшительными новостями.

— Есть время? — спросилъ онъ. — Пойдемъ въ комнату, чтобы вѣтеръ случайно не занесъ нашихъ словъ куда не нужно.

Въ это время къ нимъ подошелъ плечистый мужчина въ кожанѣ, съ листомъ, очевидно, счетомъ въ рукѣ, которому Вѣржинокъ что-то шепнулъ, указывая на ящики, а самъ взялъ Кохана подъ руку и повелъ въ домъ.

Комната, въ которую они вошли, была его кабинетомъ, въ которомъ онъ работалъ и отдыхалъ, не имѣя надобности стѣс-

няться въ разговорахъ съ лицами, которыхъ онъ туда вводилъ. Два окна съ желѣзными рѣшетками, вставленные въ глубинѣ стѣны по итальянскому способу, пропускали мало свѣта въ кабинетъ со сводами. У стѣнъ подъ окнами стояли большіе дубовые окованные сундуки съ искусными замками. Очевидно, въ нихъ хранились сокровища. Подлѣ нихъ стояли шкафы и были полки съ массою свертковъ бумаги и пергамента, мѣшечковъ и мисокъ съ деньгами, образцами разныхъ металловъ и другого товара.

На большомъ столѣ тоже лежали бумага, печати, воскъ, шнурки, разная посуда, вѣсы для золота и драгоценныхъ камней и разныя бездѣлушки.

Въ углу стояла постель съ погашенной лампой при ней; надъ постелью висѣлъ черный крестъ съ бѣлымъ костянымъ распятіемъ, а въ изголовьи рѣзной складень, изображавшій Успенье Пресвятой Богородицы и святыхъ Николая и Іоанна.

— Что вы сегодня такъ хмурно выглядите? — спросилъ хозяинъ, посмотрѣвъ на гостя, который медленно шелъ за нимъ, оставивъ за порогомъ сѣней своего оруженосца.

— Потому что я сегодня злой! — отвѣтилъ Коханъ, лицо котораго еще больше омрачилось. — А если я говорю: злой, то, разумѣется, не на себя, а на тѣхъ, кто возмущаетъ спокойствіе нашего господина.

Миклашъ быстро и съ безпокойствомъ взглянулъ на Кохана.

— Что случилось? Кто возмущаетъ его спокойствіе?

— Случилось такое дѣло, которое хуже всѣхъ пережитыхъ, — возразилъ Рава, садясь. — Вы знаете, что Злоцкія земли, которыя король вымѣнялъ у Янгрота, приняты отъ епископа краковскаго, такъ какъ онѣ не приносятъ ему никакой пользы. Король ужъ не разъ мѣнялся съ покойнымъ епископомъ. Но епископъ Бозаитъ — величайшій нахаль, а ксендзъ Барычка — хуже него, и онъ-то подстрекаетъ епископа. Онъ первый началъ кричать о насиліи правъ и о святотатствѣ, и теперь они требуютъ возврата земель и возмѣщенія убытковъ. Король предлагаетъ ему другія помѣстья, и что ужъ разъ взялъ, того не можетъ возвратить... Они доказываютъ, что онъ неправильно завладѣлъ ими... Что вы скажете на это? Они гро-

зять королю проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ.

Миклашъ сжалъ свои пухлые кулаки; его спокойное лицо поблѣднѣло и слегка вздрогнуло.

— Такого дурного слова не говорите не въ добрый часъ, — сказалъ онъ озабоченно. — Сохрани насъ Богъ отъ этого! Божайтъ можетъ только грозить, но не изречетъ апаѣмы. Нѣтъ!

— Барычка замѣнить его, такъ какъ ему ужасно хочется мученическаго вѣнца. А можетъ быть онъ мнитъ, что это ему пройдетъ безнаказанно и онъ приобрететъ себѣ славу побѣдителя короля. Все это дѣло Барычки.

Вѣржинокъ прервалъ его легкимъ ударомъ по рукѣ.

— Не допускайте такихъ злыхъ мыслей! — воскликнулъ онъ. — И безъ того ужъ у короля много непріятностей. Все перемелется и мука будетъ.

— Пусть только онъ попробуетъ тронуть короля! — воскликнулъ Коханъ, не обращая вниманія на успокоительныя слова Миклаша. — Тогда, пожалуй, онъ получитъ, быть можетъ, желаемый вѣнецъ, но не такой, о которомъ бы заговорилъ весь свѣтъ. Я сумѣю прибрать этого кутейника, и онъ у меня канетъ, какъ камень въ воду, безъ всякаго шума и слуха.

Вѣржинокъ опять хлопнулъ его по рукѣ.

— Молчите! — произнесъ онъ. — Зачѣмъ говорить пустяки? Они посѣваютъ только одинъ страхъ, чтобы запутать короля. Мы откупимся отъ нихъ деньгами, которыхъ, видно, имъ только и надо.

— Развѣ вы не знаете Барычки? — спросилъ Коханъ. — Дѣло не въ деньгахъ, а въ томъ, чтобы проявить свою духовную власть, напугать и унижить короля. А король, какъ добрый человѣкъ, уважающій свою честь и корону, ни за что не уступить, да и кутейникъ не попятится назадъ!

И онъ стукнулъ по столу кулакомъ такъ, что на немъ посуда зазвенѣла, а остальное — досказало его лицо.

Вѣржинокъ призадумался, хотя, очевидно, не принималъ этого дѣла такъ близко къ сердцу. Ему казалось, что онъ скорѣе успокоитъ раздраженного человѣка гостепріимствомъ, а потому приказалъ слугѣ подать вина, приправленнаго кореньями.

Но Коханъ отказался.

— Довольно желчи напился!—сказалъ онъ.

— Ну, а что король?—спросилъ хозяинъ.

— Какъ всегда, съ виду спокоенъ. Сами знаете, онъ не легко поддается волненію, чтобы не ронять своего королевскаго достоинства; но я прекрасно знаю, что творится въ глубинѣ его души, и чѣмъ больше онъ улыбается, тѣмъ тяжелѣе ему отъ этого притворнаго веселья. Суховилькъ пошелъ по этому дѣлу къ епископу Бозанту, но я знаю, что онъ ничего не достигнетъ. Его не любятъ и боятся. Къ тому же тамъ Барычка стоитъ на стражѣ, чтобы не допустить смягченія.

— Ахъ, Барычка, Барычка! — задумчиво произнесъ Миклашъ. — Дѣйствительно, съ нимъ тяжело будетъ сладить... Это—камень, и если что вобьетъ себѣ въ голову, то не легко выбить оттуда.

— Ну, и я тоже не тряпка!—возразилъ Рава.—Со мной будетъ имѣть дѣло. Я найду средства, чтобы больше не бояться его.

Вѣржинокъ опять толкнулъ его.

— Гнѣвъ—плохой совѣтникъ!—замѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Дѣло не во мнѣ, а мнѣ жалъ моего государя. Мало ли у него непріятностей съ крестоносцами, съ мазурами, съ Русью, съ своими дворянами и женой, а тутъ еще лѣзетъ духовенство.

— Все это вы говорите изъ любви къ своему государю, все видите въ черномъ свѣтѣ и все преувеличиваете. Но не все обстоитъ такъ плохо, какъ вы полагаете. Напрасно волнуетесь. Вы знаете, что дрожащими руками ничего нельзя сдѣлать.

Коханъ опустилъ голову, не желая спорить съ Миклашемъ, но все-таки остался при своемъ, и Вѣржинокъ чувствовалъ, что онъ не убѣдилъ его.

Они посидѣли молча другъ противъ друга.

— Убью кутейника!—проворчалъ онъ рѣшительно и сдѣлалъ движеніе, какъ будто желая встать.

Миклашъ притворился, какъ будто не слышалъ этой угрозы. Между тѣмъ королевскій фаворитъ возвысилъ голосъ:

— Вчера эти негодяи собрались у Неорзы. Барычка кри-

чалъ и распинался, а всё остальные поддакивали ему. Тамъ былъ Маѣкъ Борковичъ, Оттонъ Щекаржевскій и другіе, и всё возставали противъ короля.

— Не стоитъ обращать вниманія, что говорятъ, — прервалъ мѣщанинъ. — Ничего они не сдѣлаютъ, потому что не могутъ. Впрочемъ, если-бы кто изъ рыцарей, въ своемъ безуміи, и поднялъ руку на короля, то, быть можетъ, было бы и лучше. Тогда мы избавились бы отъ лишнихъ нахаловъ, противъ которыхъ всегда силы найдутся.

Коханъ тряхнулъ головой и, наконецъ, всталъ съ грустнымъ лицомъ, какъ будто обманутый въ своей надеждѣ на сочувствіе Вѣржинка, который не раздѣлялъ его опасеній и преждевременнаго гнѣва.

— Хотя я не особенно уповаю на епископа, но сходите къ нему, — сказалъ онъ, собравшись уйти. — Предостерегите его; можетъ быть, онъ и послушаетъ васъ. Пусть не дастъ воли Барычкѣ и прикажетъ молчать. Король вдвойнѣ заплатитъ за Злоцкія земли, но не возвратитъ.

Миклашъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ будетъ знать, какъ и что ему сказать.

Въ это время постучали въ дверь, въ которую уходилъ Коханъ, и слуга доложилъ, что хозяина ждутъ многіе посланцы по важнымъ дѣламъ. Комната, въ которую они вышли, была переполнена народомъ, лавочниками, кушцами, чиновниками, приказчиками отъ соляныхъ копей и жидами, которые стояли обособленно въ углу, не смѣя смѣшиваться съ христіанами. Вышедшаго хозяина тотчасъ обступили посѣтители съ глубокими поклонами; каждый старался скорѣе протиснуться къ нему съ просьбою выслушать его. Онъ смотрѣлъ на прибывшихъ и, угадывая, кто зачѣмъ пришелъ, отвѣчалъ имъ на незаданные вопросы. Пріемъ Вѣржиника просителей былъ много похожъ на придворный у короля, только онъ былъ здѣсь проще и свободнѣе, хотя всё оказывали ему такое же почтеніе, какъ и королю. Нѣкоторые кланялись ему до самой земли, а нѣкоторые только въ поясъ, но всё съ умильными лицами. Коханъ, проходя медленными шагами среди толпы, казалось, какъ будто никого не замѣчалъ, хотя ему тоже низко кланялись и уступали дорогу съ какимъ-то особеннымъ опасеніемъ и стра-

хомъ. Его всѣ знали, но не особенно любили, потому что онъ былъ гордъ, рѣзко обращался съ людьми, насмѣхался надъ ними и отталкивалъ отъ себя. Любимецъ короля, выйдя на дворъ, постоялъ у воротъ, подумалъ немного и повернулъ въ сторону жилища старосты сандомірскаго, Оттона изъ Пильцы, который хоть и находился въ родствѣ съ Неорзой, но не былъ его пріятелемъ, вѣрно служилъ королю и дружно жилъ съ Равой. Этого человѣка Коханъ считалъ своимъ другомъ, видѣлъ въ немъ своего единомышленника и пошелъ къ нему съ цѣлью рассказать все дѣло, чтобы приготовить его къ общей дѣятельности. Онъ отнюдь не сомнѣвался, что послѣдній поддержитъ его, и потому, переступая порогъ его квартиры, онъ рѣшительно сказалъ:

— Пусть только этотъ кутейникъ хоть пальцемъ тронетъ короля, такъ я его со свѣта сведу!

Въ томъ же Краковѣ жилъ одинъ мѣщанинъ съ довольно некрасивой фамиліей: его звали Свиная Голова. О томъ свидѣтельствуютъ древніе мѣстные акты, дворянскія и судейскія книги, въ которыхъ говорится, что въ то время почти къ каждому имени, полученному при крещеніи, прибавлялось прозвище, приуроченное къ мѣстности родившагося или просто въ шутку или по злобѣ, и это прозвище оставалось на всю жизнь и даже переходило въ потомство.

Дѣдъ Свиной Головы, должно быть, былъ мясникомъ, билъ свиней, рѣзалъ имъ головы, и поэтому его прозвали такимъ именемъ, которое перешло на его сыновей, а затѣмъ на внуковъ, которые ужъ не стыдились его.

Нынѣшній владѣлецъ этого имени, Куба Свиная Голова, покинулъ свое ремесло, началъ покупать и продавать скотъ, но ужъ не торговалъ мясомъ битыхъ свиней.

Куба женился на мѣщанкѣ изъ Ополя въ Силезіи; она была полуиѣмка, полуполька, и, кромѣ красоты, онъ не взялъ за нею никакого приданаго, потому что у ея отца была большая семья; но обстоятельства сложились такъ, что послѣ смерти отца она получила все наслѣдство, и Куба, соединивъ вмѣстѣ свое и женіно состояніе, составилъ порядочный капиталъ. Ему

во-всемъ везло въ жизни, въ особенности въ торговлѣ, и тамъ, гдѣ онъ рассчитывалъ нажить пять процентовъ, наживалъ десять. Словомъ, счастье само давалось ему въ руки и насильно лѣзло подъ кровлю его дома.

Итакъ, этотъ мѣщанинъ съ некрасивой фамиліей былъ однимъ изъ краковскихъ богачей, довольно представительный собою и не глупый. Жена его Агата славилась своей красотой, но и онъ не уступалъ ей, и когда онъ ѣхалъ верхомъ безъ скота и бича, которымъ подгонялъ стадо, его можно было принять за дворянина съ его рыцарской осанкой, внушительнымъ ростомъ, широкими плечами, поднятой головой, быстрыми глазами и длинными свѣсившимися усами; даже самый костюмъ его близко подходилъ къ дворянскому и Куба гордился тѣмъ, что его принимали за пана.

Точно также его жена, не обращая вниманія на обычаи, запрещавшіе роскошь, ходила въ шелкахъ, носила золотые цѣпи, кольца и браслеты, подпоясывалась запрещенными серебряными поясами и носила разрѣзные юбки, опушенные мѣхомъ. Ея красота, хоть значительно заплывшая жиромъ, румяныя щечки, черныя глазки, смѣлость, матеріальное благосостояніе и отношенія съ обществомъ дозволяли ей безнаказанно являться всегда нарядной какъ въ церковь, такъ и на улицу, на зло всѣмъ мѣщанкамъ.

У Кубы также было много домовъ, которые онъ самъ строилъ, покупалъ и продавалъ, наживая на нихъ значительныя деньги. Для пущей важности, онъ однажды позволилъ избрать себя членомъ городского совѣта и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности до новыхъ выборовъ; но такъ какъ онъ велъ свои торговые дѣла съ Силезіей и другими государствами и ему приходилось часто уѣзжать, то отказался отъ чести быть опять избраннымъ и за нимъ остался только одинъ титулъ.

При всемъ своемъ счастьи, Куба былъ бы еще счастливѣе, если-бъ Господь наградилъ его наслѣдникомъ мужского пола. Изъ всѣхъ дѣтей, которыя у него были, всѣ умирали, осталась только одна дочь Бася, которую, какъ онъ, такъ и жена, очень любили, баловали и заботились, точно она была королевной. Въ богатомъ домѣ легко было исполнить всякія ея прихоти,

окружить роскошью и преждевременно избаловать и испортить, такъ что когда она подросла, то сдѣлалась такою самовольной и нескромной, что ни отецъ, ни мать не могли умѣрить ея требованій и прихотей.

Родители, въ особенности мать, очень любили ее, и всякіе проступки, проявляемые дѣвушкой, объясняли простою шуткою и ребяческою наивностью.

Въ дѣтствѣ она всегда была дикимъ ребенкомъ, а сдѣлавшись дѣвушкой — безумной вертушкой. По своей красотѣ, она, пожалуй, была красивѣе матери; словомъ, чудо-дѣвушка, но какъ женщина — хуже чорта. Родители были отъ нея въ восхищеніи, но каждый, видѣвшій ее, приходилъ въ изумленіе отъ ея смѣлости, веселости, красоты и рѣзкости въ обхожденіи. Одной своей улыбкой она могла расположить къ себѣ самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея людей, будь то старые или молодые.

Варварѣ, въ просторѣчьи — Басѣ, было восемнадцать лѣтъ, когда родители замѣтили, что ее трудно удержать на привязи, и ужъ начали совѣтоваться между собою, за кого бы ее выдать замужъ. Они имѣли право на выборъ жениховъ, потому что сами были богаты и дочь ихъ — красива, такъ что она могла сдѣлать честь своимъ выходомъ замужъ любой семьѣ въ городѣ.

Свиная Голова давалъ за нею въ приданое два дома, двѣ мясныхъ лавки и постоянный дворъ, кромѣ драгоценныхъ вещей и разныхъ тряпокъ, которыми были переполнены окованные сундуки. Богатѣйшіе изъ молодежи ухаживали за дѣвушкой, и домъ ея родителей всегда былъ переполненъ ухаживателями; однако, хотя всѣ въ нее влюблялись, тѣмъ не менѣе колебались предложить ей свою руку.

Бася не скрывала того, что она, самовольничая при родителяхъ, не намѣрена стѣснять своей свободы, надѣвъ тонкій чепецъ. Она любила музыку, танцы, пѣніе, веселые и двусмысленные разговоры; не желала скучать и не терпѣла мрачныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, она прожила почти до двадцати двухъ лѣтъ, а о свадьбѣ не было ни слуху ни духу. Отецъ ужъ началъ ворчать, но мать заступалась за дочку и говорила, что чѣмъ

дольше она будетъ дѣвушкой, тѣмъ лучшаго выберетъ жениха, да кромѣ того, что она, даже старой дѣвой, всегда можетъ сдѣлать хорошую партію. А между тѣмъ Баська наряжалась, расцвѣтала, дѣлалась съ каждымъ днемъ смѣлѣе, изучала новенькія пѣсенки и не спѣшила подъ вѣнецъ. О ней ходили разные слухи, но не всѣмъ имъ можно было вѣрить. Одно было вѣрно, что нѣсколько значительныхъ лицъ ухаживали за ней и много рыцарей съ громкими именами, останавливаясь у Свиной Головы, жили у него по нѣсколько недѣль, соблазняли дѣвушку, а она ихъ. Больше другихъ за ней ухаживалъ рыцарь Сренява, отъ котораго она какъ то заплакала, а послѣ этого онъ какъ будто канулъ въ воду. Баська походила нѣсколько дней грустная, не пѣла и почти не говорила; а потомъ опять повеселѣла, глаза высохли, румянецъ заигралъ на щекахъ и она по прежнему стала веселиться, какъ хотѣла.

Какъ-то въ это время встрѣтился съ нею всегда хорошо одѣтый и красивый Коханъ Рава, когда она шла въ костелъ. Онъ взглянулъ на нее, а она — на него, и вмѣсто того, чтобы идти по дѣламъ, пошелъ за нею въ церковь. Какъ они тамъ оба молились — не извѣстно, но глазами сильно стрѣляли другъ въ друга.

Когда дѣвушка возвращалась домой съ сопровождающею ее экономкой, Коханъ неотступно слѣдовалъ за нею и разговаривался. Оказалось, что она знала, кто онъ такой, и пригласила его къ себѣ. Ея отца не было дома. Избалованной дѣвушкѣ, любившей все красивое и блестящее, Коханъ, хоть и не первой молодости, очень понравился, и она рѣшилась его очаровать. Въ виду этого, она пригласила королевскаго любимца бывать у нихъ почаще, мечтая о томъ, что, быть можетъ, онъ женится на ней, и Коханъ началъ часто посѣщать ее. Такъ продолжалось долгое время. Казалось, что оба влюблены, но относительно помолвки не было и рѣчи.

Однажды утромъ, когда матери не было въ комнатѣ, между молодыми людьми, ни съ того, ни съ сего, произошла ссора и крикъ, на который вошла и мать. Она спросила о причинѣ, но дочь не отвѣтила, а только метала глазами искры гнѣва. Коханъ ушелъ, какъ будто вовсе не заботясь о томъ, что произошло, и не особенно взволнованный, а послѣ этого не

былъ нѣсколько дней. Варвара сердилась и наконецъ, однажды утромъ, принарядившись по праздничному, пошла въ замковую церковь.

Затѣмъ она ходила нѣсколько дней съ экономкой на какія то прогулки, на которыхъ, какъ она говорила, встрѣчалась съ королемъ и будто король однажды милостиво разговаривалъ съ нею. Мать испугалась, а Варвара смѣялась надъ нею. Спустя нѣкоторое время, Куханъ опять пришелъ, и между молодыми людьми какъ будто воцарился миръ; только теперь они держали себя иначе и тихо шептались между собою. Мать подслушивала ихъ и радовалась ихъ примиренію. Прошло немного времени и супруги начали поговаривать между собою о свадьбѣ, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, Варвара пошла съ экономкой въ церковь, а черезъ часъ или два послѣдняя прибѣжала домой, какъ сумасшедшая, и заголосила, что она потеряла дѣвушку въ толпѣ. Увидѣвъ, что ея нѣтъ дома, она хотѣла бѣжать назадъ, но отецъ самъ пошелъ разыскивать ее.

Въ церкви ужъ кончилось богослуженіе и народъ разошелся, а Баськи не было и слѣда...

Куба, не дѣлая никакого шума, чтобы не обезславить дочь, началъ осторожно разыскивать ее. Разумѣется, прежде всего, подозрѣніе пало на Кухана, но тотъ, находился то въ городѣ, то въ замкѣ и какъ будто ничего не зналъ о Варварѣ.

Прошло много времени. Мать говорила людямъ, что ея дочь лежитъ больная, но послѣдніе только пожимали плечами и двусмысленно переглядывались. Кончилось тѣмъ, что отецъ узналъ, гдѣ она была. Оказалось, что она въ имѣніи Кжешовѣ... принадлежащемъ королю... Нѣсколько мѣсяцевъ псислились упорные слухи, что она, въ самомъ дѣлѣ, больна и находится у родственниковъ, къ которымъ уѣхала на нѣкоторое время отдохнуть, и никто не посмѣлъ ясно выразить своихъ сомнѣній, какъ вдругъ она опять появилась въ Краковѣ и любопытные начали осаждать домъ, справляясь о ея здоровьи. Но пережитой болѣзни на ея лицѣ не было и слѣда; напротивъ, многомѣсячная ея болѣзнь какъ будто послужила ей въ пользу: она сдѣлалась еще красивѣе, свѣжѣе и горделивѣе и только изрѣдка замѣчалась въ ея лицѣ нѣкоторая грусть и

тоска. Въ домѣ опять стали появляться Коханъ, знакомые, друзья и пріятели, и Баська опять царствовала, веселилась и пѣла, а молодые люди съ ума сходили по ней. Исчезла было отъ нихъ королева, но за то вернулась королевой, которая, казалось, нисколько не заботилась о томъ, что она не королева, и когда знакомые спрашивали ее по поводу ея продолжительнаго исчезновенія, то, разумѣется, шутили и смѣялись. Конечно, злые люди доказывали, что сколько разъ она ви гуляла на улицѣ, то всегда встрѣчалась съ королемъ, который останавливался, милостиво бесѣдовалъ съ нею и улыбался, между тѣмъ какъ она то злилась, то смѣялась, то отвѣчала ему какими странными словами и взглядами.

Благодаря всему этому, она еще богаче стала наряжаться и носить драгоценныя вещи. Одинъ ея головной уборъ, вышитый жемчугомъ, цѣнился нѣсколько сотъ гривень.

Однако все это было хорошо, но пора ужъ было Баську выдать замужъ, и отецъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, прежде всего рѣшился поговорить съ Коханомъ, надѣясь соблазнить его большимъ приданымъ, но остался съ носомъ. Хотя онъ общалъ навѣкъ остаться другомъ и пріятелемъ, но относительно женитьбы сказалъ ему, что онъ, будучи слугою короля, не можетъ посвятить себя женѣ, такъ какъ не имѣетъ на то ни времени, ни призванія.

Такимъ образомъ, Свиная Голова, подыскивая жениховъ между разными лицами, въ концѣ концовъ остановился на молодомъ мѣщанинѣ Матертерѣ.

Фрицъ Матертеръ происходилъ изъ хорошей фамиліи; его отецъ былъ состоятельный человѣкъ, имѣлъ свою лавку и торговалъ желѣзными издѣліями. Ему жилось не хуже, чѣмъ Свиной Головѣ, какъ вдругъ его постигло несчастье: у него, во-первыхъ, сгорѣлъ домъ; во-вторыхъ, на него напали разбойники, когда онъ возвращался изъ Венгріи съ товаромъ. Благодаря этимъ двумъ Божескимъ наказаніямъ, въ его хозяйствѣ произошли большія неурядицы: старикъ занігъ, сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ кабацѣ и обѣднѣлъ, а когда умеръ, то оставилъ сыну только долги и разстроенное имущество. Къ счастью, Фрицъ былъ расторопный малый, старательный, прилежный, умный и, къ тому же, довольно красивый. Хотя у него не было

средствъ хорошо одѣваться, но когда онъ показывался на улицѣ, то всѣ дѣвушки выглядывали въ окна и выбѣгали на крыльцо. Онъ не былъ неучемъ, ходилъ въ школу и готовился поступить въ семинарію, чтобы быть священникомъ, но потомъ, передумалъ, имѣя въ виду лучшую будущность. Послѣ несчастій, постигшихъ его отца и послѣ смерти послѣдняго, у него ужъ не было лавки и не на что было покупать желѣза, въ виду чего онъ поступилъ на службу къ своему родственнику Кечеру.

Барвара, любившая красивыхъ мужчинъ, нѣсколько разъ похвалила его матери, соболѣзнуя надъ тѣмъ, что онъ былъ бѣденъ и что у него ничего не было.

Куба пригласилъ его къ себѣ, и онъ началъ приходить на вечеринки, и когда Бася короче познакомилась съ нимъ, то тѣмъ больше онъ понравился ей. Онъ былъ смѣлъ, веселъ и хорошо пѣлъ; а такъ какъ онъ, будучи бѣднымъ, не думалъ ухаживать за богатой дѣвушкой, то обращался съ нею, какъ со всѣми иными, занималъ ее своими разговорами и забавлялъ лучше другихъ.

Во время мнимой болѣзни Барвары, Фрицъ не могъ навѣстить ее, и когда она выздоровѣла и вернулась въ Краковъ, онъ снова сталъ ходить въ домъ, по прежнему забавляться и веселиться съ нею.

Однажды экономка замѣтила, какъ онъ, придя въ сумерки, поцѣловался съ Басей въ дверяхъ, и эта маленькая сплетня въ домѣ вызвала нѣкоторое недоразумѣніе, благодаря которому Куба пошелъ къ Кечеру, опекуну и хозяину Матертера, и долго совѣтовался съ нимъ, послѣ чего былъ позванъ Фрицъ, и разговоръ ихъ продолжался еще часа два.

О чемъ они говорили, никто того не зналъ, но въ этотъ вечеръ Фрицъ пришелъ къ богатому купцу веселѣе, чѣмъ когда-либо, сидѣлъ рядомъ съ Барварой, смѣло бесѣдовалъ съ нею, а затѣмъ каждый день являлся къ нимъ и просиживалъ долгое время. Черезъ недѣлю начали носиться слухи, что онъ женится на Басѣ, и поэтому его кто-то спросилъ:

— Правда-ли, что ты женишься на Барварѣ Свиноголовской.

— А какое вамъ дѣло, что я женюсь?—гордо отвѣтилъ онъ.—Вѣдь я женюсь для себя, а не для васъ!

Родственники его матери и нѣкоторые изъ Кечеровъ не совѣтовали ему жениться на дѣвушкѣ съ сомнительной репутаціей, но на этотъ совѣтъ Фрицъ даже не хотѣлъ отвѣчать. А между тѣмъ въ городѣ ужъ говорили о свадьбѣ, которая должна была удивить весь Краковъ своимъ богатствомъ и весельемъ.

Тогдашній обычай запрещалъ мѣщанамъ избытокъ и не допускалъ ставить на свадебный столъ болѣе тридцати мисокъ, по три человѣка на каждую, за исключеніемъ духовенства и дѣвицъ; болѣе пяти блюдъ нельзя было подавать и болѣе восьми шутовъ запрещалось приглашать. Но Куба Свиная Голова и не думалъ придерживаться этого строгаго обычая, служившаго для всѣхъ закономъ. Онъ зналъ отлично, что за это никто его не станетъ преслѣдовать, да и сами гости не обидятся и не останутся въ накладѣ.

Въ виду этого, на свадьбу были приглашены всѣ лучшіе мѣщане съ семьями, родственники Матертеровъ, Кечеровъ, Свиноголовскихъ, члены городского совѣта, купцы и придворные, между которыми были Коханъ, Добекъ и двое Задоровъ. Изъ духовенства былъ приглашенъ ксендзъ Барычка, который не то крестилъ Басю, не то приходился ей какимъ-то родственникомъ.

Кто былъ причиной такой расточительности мѣщанина—трудно угадать; во всякомъ случаѣ, вся семья хотѣла, чтобы свадьба была отпразднована съ большой помпой. Въ особенности этого желала невѣста, чтобы заткнуть рты злымъ людямъ, говорившимъ о ней разныя небылицы.

Поэтому надо было подумать, какъ устроить домъ и столъ, за которымъ бы свободно могло помѣститься полтора-два человѣка, очистить мѣсто для танцевъ и отвести особыя комнаты для любопытныхъ незваныхъ гостей, которые, по обычаю, приходили съ подарками для новобрачныхъ.

Кромѣ того, Свиная Голова хотѣлъ отличиться, поставить почетнымъ гостямъ золотую и серебряную посуду, а всѣмъ остальнымъ—оловянную. Не тридцать мисокъ, а даже пятидесяти не хватало. Вино приготовлялось съ сахаромъ и кореньями и для приготовления кушаній не жалѣли заморскихъ приправъ. Сколько ни было въ городѣ свадебныхъ шутовъ—всѣ были приглашены за хорошую плату и угощеніе всемъ, чѣмъ

они хотѣли. Кромѣ того, Коханъ обѣщалъ пригласить и королевскаго шута Шубку.

Въ то время богатые свадьбы не обходились безъ риемованныхъ поздравленій и всякихъ пожеланій, часто игривыхъ, двусмысленныхъ и даже плоскихъ. Этихъ виршеплетовъ — сапожниковъ, умѣвшихъ хорошо и остроумно слагать вирши на молодое поколѣнїе, приходилось нанимать подчасъ за дорогую плату и, во всякомъ случаѣ, платить имъ больше, чѣмъ лучшимъ изъ шутовъ. Вслѣдствіе этого, мѣщанамъ и эта роскошь не дозволялась, но Свиная Голова и не думалъ обращать вниманіе на это запрещеніе. Поэтому онъ нанялъ стихоплета Вырванта, славившагося такимъ юморомъ, что нужно было покатываться отъ смѣха, когда онъ говорилъ новобрачнымъ свою риемованную рѣчь. Вырвантъ обѣщалъ сказать нѣчто необыкновенное и его имя ручалось за это.

Даже самый домъ Кубы былъ заново окрашенъ снаружи, не говоря уже о внутренностяхъ. Все, что было самага изящнаго и дорогаго въ сундукахъ, какъ-то: ковры, сукна и шелковыя ткани, было вынуто изъ нихъ, и Куба не нуждался въ одолженіи; а такъ какъ зимой нельзя было получить иной зелени, кромѣ ельника, то имъ и украсили какъ огна, такъ и двери.

Еще до свадьбы оставалось нѣсколько дней, а въ городѣ только и говорили о ней, одни съ ироніей, другіе съ завистью, третьи съ удивленіемъ и все еще о томъ, что эта свадьба станетъ Кубѣ баснословныхъ денегъ.

Между тѣмъ Варвара думала объ одномъ, чтобы быть не только красивой но и такъ богато-нарядной, чтобы все городскія дѣвушки сошли съ ума отъ злости. Въ дорогихъ самоцвѣтныхъ камняхъ и золотѣ не было недостатка и все знали, что у Кубы ихъ очень много; но, кромѣ нихъ, явились еще какія-то особенно драгоценныя камни, ожерелья и запястья, о происхожденіи которыхъ злые языки распространяли далеко не красивые двусмысленные слухи.

Когда насталъ торжественный день свадьбы и молодая дѣвушка двинулась въ сопровожденіи музыкантовъ, шутовъ и нарядныхъ гостей въ церковь, а потомъ обратно, то весь городъ высыпалъ на улицу посмотреть на это чудо, и молодая

чета едва могла протиснуться между тѣсными рядами любопытныхъ. Смотри на „молодую“ люди столбенѣли отъ удивленія. Ея подвѣнечное платье было сдѣлано изъ такой дорогой ткани и такъ расшито золотомъ, жемчугомъ и камнями, что ему могла позавидовать королева. Она шла горделиво, прекрасная какъ цвѣтокъ, смотря на народъ вызывающимъ взглядомъ, ведомая за руку Фрицомъ, также богато и красиво одѣтымъ, точно онъ былъ богачемъ, а не какимъ-нибудь бѣдненькимъ приказчикомъ. Люди говорили, что все это было сдѣлано ему Кечеромъ, который не хотѣлъ посрамить себя и своего родственника. Одна шуба, покрытая бархатомъ, стоила нѣсколько десятковъ гривенъ.

Когда весь свадебный кортежъ входилъ въ домъ, то казалось, что ему негдѣ будетъ помѣститься, однако же никто не остался на улицѣ и всѣ размѣстились за назначенными для гостей пиршественными столами, которые были разставлены какъ въ комнатахъ, такъ и въ громадныхъ сѣняхъ, и всѣмъ мѣста хватило.

Разумѣется, первыя мѣста заняли молодые и ихъ родственники, а далѣе—городскіе представители, члены совѣта, купцы, духовные и друзья дома.

Случилось такъ, что ксендзъ Барычка, вѣнчавшій молодыхъ и посаженный близъ нихъ, очутился противъ Кохана, который, какъ только увидѣлъ его, весь поблѣднѣлъ и даже вздрогнулъ. Но онъ обуздалъ себя и шепнулъ сидѣвшему подлѣ него Добкѣ:

— Самъ Богъ устроилъ такъ, что этотъ кутейникъ повернулся мнѣ подъ руку и я не выпущу его отсюда, пока не выскажу ему того, что у меня на сердцѣ. Будетъ онъ помнить эту свадьбу.

Добекъ хотѣлъ его сдержать, но еще больше раздражилъ.

Отецъ Барычка, не любившій такихъ бесѣдъ, но вынужденный просидѣть нѣкоторое время за столомъ, сидѣлъ за нимъ неподвижно, съ своимъ худымъ пожелтѣвшимъ лицомъ и страшными глазами, почти не прикасаясь ни къ яствамъ, ни къ напиткамъ. Онъ былъ задумчивъ и суровъ.

Между тѣмъ къ молодымъ подошелъ поэтъ Вырвантъ, который выпилъ для храбрости передъ декламаціей своихъ сти-

ховъ порядочный кубокъ хмѣльного вина и, не обращая ни на кого вниманія, громко и отчетливо началъ говорить стихами такія вещи, при которыхъ даже женщины должны были, хочоча, закрываться платками.

Ксэндзъ Барычка еще больше нахмурился и его лицо сдѣлалось еще строже. Онъ бросилъ на Выванта молніеносный взглядъ, преисполненный гнѣва и презрѣнія, но ринуть или не замѣтить, или не хотѣлъ замѣтить и продолжалъ.

Вся зала переполнилась однимъ продолжительнымъ смѣхомъ, такъ какъ гости, сидѣвшіе за другими столами, встали изъ-за нихъ и приблизились послушать виршеплета.

Когда онъ кончилъ, то нѣсколько клоуновъ и шутовъ, одѣтыхъ очень поспѣшно въ какія-то пестрые костюмы и колпаки, начали ходить около столовъ, прыгать, скакать, кувыраться, пѣть и развлекать гостей, которые, подвыпивъ, смѣялись и хохотали; и чѣмъ больше шуты смѣшили ихъ, тѣмъ больше хмурилось лицо Барычки. Видно было, что онъ охотно всталъ бы изъ-за стола, но не могъ, потому что хозяинъ посматривая за нимъ, просилъ, угощалъ, цѣловалъ руки и заставлялъ ѣсть и пить. Да и выйти не было возможности, вслѣдствіе большой тѣсноты. Даже мисокъ, если-бъ онѣ не были заранѣе поставлены на столъ, слуги не могли бы подавать. Кувшины и фляги съ напитками переходили изъ рукъ въ руки и подавались черезъ головы.

Такимъ образомъ, одни смѣялись, другіе пѣли, третьи кричали, а громко игравшая музыка заглушала всѣхъ и нельзя было разобрать, кто и что говорить.

Коханъ, видя по лицу ксэндза, что онъ стремится удрать, караулилъ его, не желая выпустить изъ рукъ. Барычка, смѣривъ его раза два презрительнымъ взглядомъ, избѣгалъ потомъ смотрѣть на него, очевидно чувствуя, что королевскій любимецъ намѣревается заговорить съ нимъ; онъ видѣлъ въ немъ своего врага. Они не были особенно знакомы другъ съ другомъ, встрѣчались, но не имѣли никакого дѣла между собою. Отецъ Барычка видѣлъ въ окружающихъ короля, въ особенности въ Коханъ, подстрекателей Казимира ко всякимъ излишествамъ, а потому питалъ къ нимъ большое презрѣніе.

Между тѣмъ миски опоражнивались, кувшины, кубки и

бокалы наполнялись вновь приносимыми напитками, музыка ожесточенно играла, пѣвцы пѣли все болѣе пикантныя польскія и нѣмецкія пѣсни, шуты выкидывали разныя колѣнца, въ особенности въблизи молодыхъ, отъ которыхъ ожидали особой награды за свои заученныя заранѣе остроты.

Эти свадебныя увеселители всегда имѣли большой запасъ разныхъ остротъ, загадокъ и пѣсенокъ, которыми забавляли гостей, ходя парами, помогая другъ другу и изощряясь на всѣ лады. Свобода слова въ то время была въ обычаѣ, только не всѣ могли пользоваться ею и нуждались въ возбужденіи ихъ мѣткими и ѣдкими выраженіями. Замужнія мѣщанки, нисколько не стыдясь и не стѣсняясь, отвѣчали мужчинамъ такими вульгарностями, которыя заставляли краснѣть молодыхъ дѣвушекъ, доказывавшихъ этимъ, что и онѣ понимаютъ пикантность такихъ остротъ.

Такая разнузданность нрава хотя и не представляла ничего особеннаго по тогдашнему времени, но она возмущала суроваго о. Барычку. Наконецъ ему надоѣли всякіе шутовскія остроты и онъ, осадивъ одного изъ нихъ, прошедшагося на его счетъ, всталъ изъ-за стола, сдѣлавъ выговоръ хозяину за чрезчуръ шумную свадьбу, и хотѣлъ уйти.

Коханъ испугался, что Барычка можетъ ускользнуть отъ него и онъ лишится возможности поговорить съ нимъ, тоже всталъ и направился за нимъ въ слѣдующую комнату, которая вела къ выходу. Разумѣется, никто на это не обратилъ вниманія, потому что всѣ гости уже были порядочно охмѣлѣвшими; хозяина, который провожалъ духовнаго гостя, кто-то остановилъ на дорогѣ и о. Барычка уже былъ близко къ дверямъ; однако же Коханъ успѣлъ загородить ихъ собою и упершись въ бока, вызывающе остановился.

Ксендзъ Барычка сурово взглянулъ на него и хотѣлъ пройти. Шумъ и гамъ гостей свободно позволяли говорить и не быть подслушанными, такъ какъ всѣ были заняты другимъ.

— Почему вы, ваша милость, не желаете съ нами посидѣть?—спросилъ Коханъ.—Развѣ мы недостойны?

Барычка улыбнулся, но не отвѣтилъ и хотѣлъ его обойти, однако ему неудалось.

— Подождите минутку, — сказалъ Коханъ. — Я давно ждалъ случая поговорить съ вами.

— Но я не желаю съ вами разговаривать и входить въ какія-бы то ни было объясненія! — возразилъ есендзъ. — Пустите меня.

— Только одно слово, — не уступая дороги, прибавилъ Рава. — Неужели я такъ противенъ, что вы не хотите удостоить меня своимъ вниманіемъ?

Отецъ Барычка еще разъ смѣрялъ его взглядомъ и его лицо сдѣлалось грознымъ.

— Пустите! — отозвался онъ повелительно.

— Чего-же вы боитесь? — спросилъ съ ироніей Рава. — Вамъ здѣсь не грозитъ никакая опасность. Но если вы можете клеветать на короля, то почему же и мнѣ не поговорить съ вами?

— Что вамъ угодно отъ меня?

Рава началъ свой отвѣтъ со взгляда, который доказывалъ, что онъ не скажетъ ничего хорошаго, и наконецъ произнесъ:

— Вы хорошо знаете, что я съ дѣтства служу королю и люблю его больше своей жизни, а потому, что больно для него, то больно и мнѣ, даже больше. Хотя васъ защищаетъ духовная ряса и званіе отъ другихъ, но отъ меня они не защитятъ, если вы станете продолжать вашу клеветническую дѣятельность, идти противъ короля и возмущать людей.

Такая смѣлость, дерзость и нахальство привели въ ошѣмненіе о. Барычку и онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ попеременно; его руки дрожали и онъ озлобленно крикнулъ:

— Какъ ты смѣешь читать духовному правоученія! Прочь съ дороги, нахаль! Кто ты такой?

— Не сойду съ дороги и не пущу, пока не выскажу всего, — возразилъ Коханъ. — А кто я такой — это вамъ извѣстно: я слуга короля, а вы — его врагъ... Поэтому, берегитесь, отецъ, и не думайте, что это пройдетъ вамъ безнаказанно!

Отецъ Барычка только презрительно усмѣхнулся: очевидно, онъ сдерживался, не желая разговаривать съ человѣкомъ, котораго презиралъ. Но въ немъ кипѣла кровь и онъ, приподнявъ руки, крикнулъ:

— Служитель Божій не боится ни тебя, ни короля! Ты

королевскій слуга, а я—Того, Кто выше всѣхъ царей, и Онъ, силою Своей, охранить меня. Ты слуга беззаконія, а я стою на стражѣ правды! Прочь съ дороги и я съ тобой не стану больше разговаривать!

Коханъ стерпѣлъ этотъ упрекъ, хотя онъ былъ хуже полно-
вѣсной пощечины.

— Ну, отче, ты не такъ легко отдѣляешься отъ меня и я нисколько не боюсь тебя, — сказалъ онъ. — Ты говоришь о Богѣ, а съ своей адской злобой набрасываешься на лучшаго изъ королей и подстрекаешь къ бунту другихъ... Король можетъ простить тебѣ; но мы, близко стоящіе къ нему, ни за что не простимъ, хоть бы намъ пришлось за это поплатиться своею жизнью.

— Я тоже, хоть бы мнѣ пришлось умереть, буду стоять за правду! Прочь съ дороги!

И Барычка хотѣлъ насильно пройти, но сильный Коханъ схватилъ его за руки и удержалъ, точно желѣзными клещами, на мѣстѣ.

— Дерзкій кутейникъ! — воскликнулъ онъ: — если тебѣ еще мила жизнь, то берегись и молчи! Предупреждаю, чтобы ты зналъ, что ожидаетъ тебя! Ты пропадешь, какъ... Мало тебѣ того, что ты безчестишь короля съ своими единомышленниками, такъ ты еще вздумалъ подстрекать епископа и грозить намъ проклятьемъ! Но прежде, чѣмъ ты произнесешь его, своими богохульными губами, твой ротъ на вѣки умолкнетъ.

И чѣмъ больше Коханъ становился дерзкимъ въ своемъ озлобленіи, тѣмъ больше о. Барычка овладѣвалъ собою, дѣлался спокойнѣе и холоднѣе. Его священническій санъ придавалъ ему величіе и Коханъ вынужденъ былъ опустить глаза передъ его смѣлымъ взглядомъ. Голосъ его задрожалъ и онъ умолкъ.

Священникъ, чувствуя свое преимущество и забывая о томъ, гдѣ они находятся, возвысилъ свой голосъ.

— Прочь! — повторилъ онъ. — Ты думаешь, что испугаешь меня своими угрозами? Никогда! Вы, самовольники, развратники виноваты больше, чѣмъ король, ибо вы вносите развратъ въ его душу, и ты первый изъ нихъ безстыдникъ! Ты испугаешь меня угрозами, не утратишь, а только возбудишь большее усердіе... Твой гнѣвъ доставляетъ мнѣ удивленіе и

и твоя дерзость дѣлаетъ мнѣ честь. Прочь съ дороги, сынъ дьявола!

Несмотря на шумъ въ комнатахъ, споръ и ссора Кохана съ Барычкой не могла пройти незамѣченными. Хозяинъ догадался и постарался пробраться между гостями. Онъ схватилъ его за руку; но Рава оттолкнулъ заступника.

Между тѣмъ Барычка обратился къ хозяину:

— Возьмите его! — крикнулъ онъ, — и вышвырните на улицу! Этотъ человѣкъ позорить домъ, въ который входитъ, и влечетъ за собою несчастье. Разбойники и тати, грабящіе и убивающіе на дорогахъ, лучше него, ибо они убиваютъ тѣло, а онъ губить души!

— Кутейникъ! — крикнулъ Рава, лицо котораго побагровѣло. — Клянусь, что ты погибнешь... не отъ моей руки... но я изомну тебя такъ, что отъ тебя не останется и слѣда... Нахаль-дерзновенный! ты ищешь славы и посягаешь на помазанника Божьяго, бросая въ него грязью! Помни мое слово: — погибнешь, какъ собака!

Угроза Кохана поразила Кубу, но ничуть не испугала о. Барычку, который только пожалъ плечами. Теперь онъ воспрянулъ духомъ и былъ спокоинѣе.

— Чортъ сильнѣе тебя, однако же я его не боюсь, — возразилъ онъ. — Я охотно умру за правду и за церковь, и Господь отомститъ за меня; но ты погибнешь въ грязи и развратномъ беззаконіи!

Быть можетъ, Коханъ напалъ бы на говорящаго и обагрилъ свадебный пиръ кровью, но въ этотъ моментъ подошелъ Добекъ, схватилъ его вмѣстѣ съ хозяиномъ и оттащилъ въ сторону. Барычка, пользуясь тѣмъ, что въ дверь можно было свободно пройти, смѣрялъ еще разъ Кохана презрительнымъ взглядомъ и ушелъ.

Навѣрное Рава погнался бы за нимъ, но, принертый къ стѣнѣ сильнымъ Добкой, не могъ двинуться съ мѣста, хотя и старался вырваться отъ него. Притомъ Куба просилъ и умолялъ его успокоиться и Коханъ, хотя метался и вырывался отъ нихъ, тѣмъ не менѣе позволилъ довести до стола, гдѣ торѣлъ и мало по малу пришелъ въ себя. Онъ чувствовалъ, навѣ рѣшалъ битву; борьба которую онъ началъ, кончилась

— Слу.

для него совсѣмъ печально и онъ не могъ примириться съ этимъ. Онъ умолялъ, общая себя въ душѣ отомстить Барычкѣ.

Между епископскимъ и королевскимъ дворами произошелъ безусловный разрывъ. Но король не выказывалъ ни заботы, ни безпокойства, по крайней мѣрѣ наружно, и ничего знать не хотѣлъ о грозившей ему опасности; да и не зналъ бы, если-бъ ему не доносили услужливые люди со стороны. Онъ побранилъ Рохана и запретилъ ему возобновлять о томъ разговоръ.

Ксендзъ Суховильскъ, посланный къ епископу Бозаиту, не принесъ ему никакого отвѣта и король не требовалъ его.

Такимъ образомъ жизнь въ замкѣ пошла своей колеей. Король по прежнему занимался государственными дѣлами и вводилъ порядки, строилъ новыя зданія и ѣздилъ осматривать постройки. О злоцкихъ земляхъ не было и помину.

А въ то время, когда на Вавелѣ царствовало полное спокойствіе, около епископа собирались всѣ недовольные. Духовенство стремилось получить перевѣсъ надъ властью короля; и чѣмъ болѣе Казиміръ былъ хладнокровенъ, тѣмъ болѣе возмущеніе въцарялось на епископскомъ дворѣ. Разумѣется, ксендзъ Барычка подливалъ масла въ огонь своими, нерѣдко ложными или ошибочными донесеніями.

Безпокойный и стремящійся къ власти епископъ Бозаитъ очень косо смотрѣлъ на тѣсныя отношенія короля съ архіепископомъ Богоріемъ, на снисходительность послѣдняго къ Казиміру, на его вліяніе на короля и на то положеніе, которое занималъ отецъ Суховильскъ при королевскомъ дворѣ. Между Гнѣздномъ и Краковомъ происходили постоянныя недоразумѣнія. Бозаитъ стремился вернуть прежнее независимое значеніе духовенства, которое ставило и низвергало монарховъ, будучи сильнѣе ихъ. Распространеніе свѣтской власти, преимущества гнѣздненской метрополіи и уменьшеніе власти епископа краковскаго ужасно возмущало его. Будучи настроенъ воинственно, онъ хотѣлъ вызвать борьбу и былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, такъ какъ надѣялся на поддержку въ Римѣ. Возведенный въ епископы безъ выбора и назначенія его капитуломъ и

безъ вѣдома послѣдняго, а только по желанію Рима, ему удалось сломить его неудовольствіе къ себѣ; точно также онъ надѣялся побѣдить и короля, заставивъ его уважать духовную власть.

Теперь ужъ дѣло шло не изъ-за злодѣихъ земель. Король, осмѣливавшійся сопротивляться епископу, считался имъ человекомъ безнравственнымъ, самовольнымъ, распущеннымъ, благодаря чему вмѣнилъ себѣ въ обязанность достойно наказать его.

Недоразумѣнія, раздуваемые съ каждымъ днемъ, увеличивались, и все, что дѣлалось на епископскомъ дворѣ, доносилось королю, но послѣдній даже и слушать о томъ не хотѣлъ, а тѣмъ больше показывать, что онъ боится. Въ свою очередь, и въ епископствѣ было извѣстно, что дѣлалось при королевскомъ дворѣ и въ особенности о томъ, что касалось частной жизни Казимира; вопросъ о совмѣстной его жизни съ королевой опять выплылъ наружу. Всѣ считали сколько у него любовницъ и измышляли на него разные небылицы.

Ксендзъ Барычка вернулся со свадьбы у Свиной Головы въ ужасномъ раздраженіи и гнѣвѣ и побѣждалъ прямо къ епископу жаловаться на Кохана, обвиняя короля въ неслыханной наглости его любимца. Ни одинъ изъ придворныхъ не осмѣлился бы напасть на каноника, если-бъ онъ не былъ увѣренъ въ поддержкѣ.

Епископъ Бозайтъ, все еще надѣясь заставить короля своими угрозами уступить ему и покориться, ждалъ терпѣливо, но въ замокъ пересталъ являться, и король видѣлся съ нимъ только въ церкви, а въ совѣтъ не призывалъ. Они встрѣчались вдали и взаимно избѣгали другъ друга.

Между тѣмъ Барычка выходилъ изъ терпѣнья и понуждалъ епископа. По его мнѣнію, соблазнъ былъ великъ и наказаніе неотложно необходимо.

Наконецъ епископъ, прижатый однажды къ стѣнѣ своимъ каноникомъ, рѣшился поѣхать во дворецъ. Король только что вернулся съ охоты и, какъ говорили, собирался уѣхать въ Прагу. Посѣщеніе чешскаго двора, какъ и всякій его поступокъ, объясняли тѣмъ, что Казимиръ могъ тамъ свободнѣе забавляться и ухаживать за красивыми чешками. Въ замкѣ узнали еще наканунѣ вечеромъ, что епископъ Бозайтъ намѣревался пріѣхать къ королю на слѣдующее утро. Король ждалъ.

Будучи ласковымъ и добрымъ для маленькихъ людей, онъ былъ серьезенъ и неумолимъ тамъ, гдѣ ему нужно было быть королемъ, и ужъ тогда его нельзя было испугать. Епископъ, отправляясь къ нему, еще колебался начать открытую войну, не хотѣлъ говорить во всеуслышаніе и рѣшилъ побранить его наединѣ. Но Казиміръ ожидалъ этого.

Едва кончилась обѣдня и король успѣлъ вернуться въ замокъ, какъ ему доложили о прибытіи епископа. Казиміръ пошелъ къ нему, по обыкновенію, навстрѣчу, не показывая въ своихъ отношеніяхъ ни малѣйшаго измѣненія. Онъ имѣлъ то преимущество надъ епископомъ, что сохранялъ полнѣйшее хладнокровіе; между тѣмъ какъ Бозаитъ, собираясь нѣсколько дней сдѣлать рѣшительный шагъ, ужасно волновался и беспокоился, что конечно бѣсило его.

Послѣ обоюдныхъ привѣтствій, когда они сѣли въ присутствіи нѣсколькихъ сановниковъ, стоявшихъ на почтительномъ разстояніи, онъ заговорилъ дрожащимъ, неувѣреннымъ голосомъ, и предложилъ королю побесѣдовать наединѣ. Король сдѣлалъ знакъ головою и сановники удалились. Равнодушіе короля, рассчитанная невозмутимость и величіе раздражали Бозаита.

— Я пришелъ къ вамъ, милостивѣйшій король, по своей пастырской обязанности, какъ духовный отецъ къ сыну, — началъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. — Пастыри отвѣчаютъ за своихъ духовныхъ овецъ, даже за самую меньшую изъ нихъ... а что же сказать о такой, которая должна служить образцомъ и примѣромъ для другихъ? — При этомъ онъ посмотрѣлъ на короля, который не выказалъ ни малѣйшаго волненія.

— Милостивѣйшій государь! — продолжалъ онъ, — я начну съ церковныхъ дѣлъ. Церковь обижена какъ матеріально, такъ и нравственно, а вмѣстѣ съ нею обиженъ и я. Злоція помыслы взяты...

— Знаю, знаю, — спокойно прервалъ его король. — Вѣдь я посылалъ къ вамъ ксендза Яна Суховилька для объясненія по этому дѣлу. Мои предки пожаловали церкви это имущество и я не намѣренъ его отнимать; но между мною и вашимъ предмѣстникомъ Янгротомъ состоялся договоръ объ обмѣнѣ; на основаніи этого договора, я взялъ злоція земли, за которыя и далъ другія, болѣе доходныя для васъ.

Епископъ моментально вспыхнулъ, сильно загорячился и громко крикнулъ:

— Я знать не хочу никакихъ договоровъ, не желаю никакихъ замѣнъ и требую возврата церковной собственности! Дѣло идетъ о моемъ духовномъ санѣ и неприкосновенности церковнаго имущества, хранителемъ котораго я состою.

Онъ замолчалъ на минуту и затѣмъ прибавилъ, сдѣлавъ рѣзкій намекъ на архіепископа Богорья:

— Я не изъ тѣхъ пастырей, которые изъ-за своей грѣховной поблажки, ради свѣтской власти, пускаются на разные аферы. Злой примѣръ можетъ принести и пагубные плоды. Что разъ церковью приобрѣтено, то отъ нея не можетъ быть отнято или перемѣнено, — оно должно быть неприкосновенно.

И епископъ взглянулъ на короля, лицо котораго было по прежнему спокойно и на которомъ даже не выступило румянца.

— Я уважаю церковь, я вѣрный сынъ ея. Чувствуя, что моя совѣсть чиста, и основываясь на договорѣ, я готовъ идти съ ними хоть въ Римъ, но Злоцкой земли не могу возвратити и не желаю подвергаться насмѣшкамъ.

— Значить, вы предпочитаете подвергнуть имъ меня и грозите мнѣ Римомъ! Но вѣдь я тоже знаю туда дорогу!

Тонъ, какимъ возразилъ епископъ, былъ далеко не подходящій для разговора съ королемъ; но король не отвѣтилъ, а только оперся на руку, повернулъ свое сіяющее лицо къ епископу и слушалъ. Такое хладнокровіе короля возмущало Бозанта, ибо король даже не думалъ оправдываться, примиряться или извиняться передъ нимъ.

— Кромѣ того, — продолжалъ епископъ, — я еще пришелъ и по другому дѣлу... Я долго ждалъ, терпѣлъ, молчалъ и мнѣ сдѣлалось тяжело на совѣсти. Кто же вамъ скажетъ правду, если не я, вашъ духовный отецъ?!.. Вы нехорошо живете, всемилостивѣйшій король, и я долженъ вамъ повторить то же самое, что нѣкогда сказалъ Станиславъ Казимиру Щедрому: не хорошо живете... Вы оттолкнули отъ себя королеву и на вашихъ любовницъ всѣ указываютъ пальцами. За грѣхи ваши королевство можетъ подпасть подъ власть чужихъ намъ людей и перейти въ другія руки. А потому я, какъ духовный отецъ,

призываю васъ, всемилостивѣйшій государь, начать новую порядочную жизнь. Прочь наложницъ и развратницъ!.. прочь блудницъ и любовницъ!.. Мѣсто королевы - жены подлѣ васъ, она должна возвратиться... и я требую этого.

Дрожащій голосъ епископа дѣлался все сильнѣе и сильнѣе и онъ кричалъ такъ громко, что его можно было слышать въ другихъ комнатахъ и корридорахъ.

Казимиръ слегка поблѣднѣлъ и лицо его приняло болѣе серьезный видъ, но онъ просто отвѣтилъ:

— Я знаю свои прегрѣшенія и отвѣчу за нихъ передъ Богомъ. Что касается жены, то съ нею я жить не могу... Бракъ этотъ былъ моей оплошностью, но я терплю его и не обижаю королевы; что касается любовницъ моихъ, то ихъ никто не видалъ, а я могъ бы указать ихъ больше у настоятелей, предатовъ и епископовъ, считающихся главами церкви... Поэтому, постарайтесь, прежде всего, сами очиститься отъ той грязи, которая окружаетъ васъ.

Епископъ вскочилъ и поднялъ руку.

— Ты — король, — воскликнулъ онъ, — но твоя власть не касается насъ!.. Служители церкви не въ твоей компетенціи, и потому еще разъ призываю тебя исправиться, чтобы я не былъ вынужденъ прибѣгнуть къ тому оружію, которое ввѣрено мнѣ. Если церковь оттолкнетъ тебя, то твой престолъ поколеблется и ты уйдешь отсюда изгнанникомъ, но не вернешься сюда, какъ твой отецъ!..

Воспоминаніе объ отцѣ задѣло за живое короля и вызвало румянецъ на его лицѣ.

— Дѣлайте со мною, что угодно, — грозно воскликнулъ онъ, — но не смѣйте касаться блаженной памяти моего отца!.. Вы не имѣете права!

Приэтомъ онъ тоже всталъ и гордо прибавилъ:

— Прощайте!

Епископъ стоялъ, какъ вкопанный, намѣреваясь еще обрушиться на короля, который, однако же, ушелъ медленными шагами, приподнявъ красную портьеру у дверей и исчезъ за нею. Епископъ Бозаитъ упалъ въ кресло, нуждаясь въ отдыхѣ и успокоеніи. Почти въ ту же минуту въ комнату вошли въ другую дверь о. Суховилькъ, Оттонъ изъ Пилицы, воевода и

староста сандомірскій, Ясько Мельштинскій и другіе. Послѣдній, поклонившись епископу, тихо сказалъ, что король, почувствовавъ себя больнымъ, извиняется передъ нимъ и больше не выйдетъ. Епископъ, не желая показать, что онъ былъ оскорбленъ и униженъ, быстро всталъ, проворчалъ что-то и, благословивъ присутствующихъ, направился къ двери. Его проводилъ съ почтеніемъ весь дворъ.

Такъ кончилась эта аудіенція, хотя Бозаитъ возлагалъ на нее большую надежду. Онъ вернулся въ свой дворецъ ужасно грустнымъ и злымъ, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онъ неловкимъ воспоминаніемъ объ отцѣ короля испортилъ все дѣло. Въ душѣ онъ чувствовалъ себя виновнымъ, а только явно признаться не хотѣлъ. Его ужъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ о. Барычка. Увидѣвъ его печальнымъ, онъ понялъ, что епископа постигла неудача. Отдохнувъ и не скоро придя въ себя, епископъ сказалъ ему, что онъ не могъ переломить упрямства короля, а только, быть можетъ, бросилъ зерно, которое со временемъ можетъ взойти, а потому нужно было ждать. Но ксендзъ Барычка былъ противнаго мнѣнія и, поцѣловавъ руку епископа, рѣшительно сказалъ:

— Не надо давать ему ни минуты для размышленій!.. Нѣтъ! Надо коватьъ желѣзо, пока оно горячо, чтобъ онъ не успѣлъ вздохнуть, напирать на него и грозить проклятьемъ!..

Онъ увлекся.

— Если вы сами, по своей добротѣ, не можете справиться съ этимъ безбожникомъ, то пошлите меня къ нему! Я не испугаюсь и, взявъ крестъ въ руки, пойду казнить его, позорить среди народа и съ церковныхъ амвоновъ. Для меня онъ не король, а неисправимый грѣшникъ, не государь, а вѣроломный и закоренѣлый въ своихъ преступленіяхъ человѣкъ... — Онъ впалъ въ экстазъ, такъ что епископъ вынужденъ былъ приказать ему замолчать, хотя Барычка и устыдилъ его своею самоотверженностью. Но этимъ онъ не на долго зажалъ ему ротъ. Между тѣмъ въ замкѣ, въ которомъ весь дворъ слышалъ почти весь разговоръ короля съ епископомъ, благодаря заносчивости послѣдняго, произошелъ почти переполохъ. Нѣкоторые грозили епископу и хотѣли жаловаться на него въ Римъ, а Оттонъ изъ Пилицы требовалъ ареста и заточенія епископа, за неува-

женіе къ королю. Болѣе умѣренные, видя, что король спокоенъ и что онъ даже не вспоминалъ объ этомъ инцидентѣ, находили, что изъ такой грозной тучи не будетъ дождя.

За королевскимъ столомъ разговаривали о турнирахъ, о новомъ оружіи, о новостяхъ изъ Венгріи и о крестоносцахъ, но отнюдь не объ епископѣ. Только одинъ Отгонъ Пилицкій, очень привязанный къ королю, не могъ успокоиться. Коханъ не спускалъ съ него глазъ; онъ ужъ раньше подготовилъ его къ тому, какъ ему было нужно. Сейчасъ послѣ обѣда они сошлись въ углу комнаты, изъ которой ужъ всѣ разошлись.

— Послушайте, господинъ воевода, — сказалъ онъ, тихо смѣясь, — я знаю короля: онъ все простилъ бы, если-бъ епископъ не тронулъ его отца и не отнесся къ нему съ неуваженіемъ. Разумѣется, онъ самъ не будетъ мстить, но если кто предложитъ ему свои услуги, то онъ приметъ ихъ съ благодарностью. Вѣдь епископскія земли у васъ подъ бокомъ. Прикажете своимъ урядникамъ надѣдаться этому кутейнику, тогда онъ будетъ вынужденъ жаловаться на васъ, а разъ ужъ станетъ жаловаться, то все само собою устроится.

— Хорошо, — отвѣтилъ Пилицкій. — Кстати у насъ происходитъ споръ изъ-за межевыхъ границъ и мнѣ легко будетъ досадить Бозайту.

Коханъ поцѣловалъ его въ плечо.

— У старика хорошіе глаза на чужое добро, — сказалъ онъ, — а что у него дѣлается подъ носомъ, того онъ не видитъ. Люди и его братья Завиши рассказываютъ о немъ очень забавную исторію. Бозайтъ приказалъ построить замокъ въ своемъ родномъ Яниковѣ и поручилъ наблюденіе за постройкой своему брату. Замокъ этотъ строится ужъ нѣсколько лѣтъ и стоитъ баснословно большихъ денегъ, но еще до сего времени не было приобрѣтено на постройку его ни одного бревна, ни камня, а между тѣмъ Завиша каждый годъ требуетъ у епископа уплаты денегъ за тѣ работы, которыхъ не производилъ. Когда онъ рассказываетъ о томъ замкѣ, который еще не строился, и радуется, что у него будетъ роскошнѣйшій дворецъ, люди хватаются за бока отъ смѣха. Бозайтъ давно ужъ собирается поѣхать въ Яниково и посмотреть на тѣ каменные стѣны, въ которыя онъ всадилъ громадный капиталъ, но предусматри-

тельный Завиша всегда умѣть помѣшать ему. А между тѣмъ денежки все сыплеть и сыплеть...

Разсказавъ воеводѣ этотъ анекдотъ, который былъ однако же правдивый, Коханъ настаивалъ на томъ, чтобы Пилицкій не щадилъ епископскаго имущества.

— Это единственный способъ достигнутьжелаемаго,—сказалъ онъ.—Онъ не можетъ рѣшить своей властью дѣло, и поэтому непременно обратится за содѣйствіемъ къ королю, а тогда мы поговоримъ о злоцкихъ земляхъ, потребуемъ обмѣна на другія и заключимъ какой-либо миръ.

Оттонъ Пилицкій, вполнѣ вѣрившій Кохану, не говоря о томъ ни слова королю, уѣхалъ въ Сандоміръ и тотчасъ приступилъ къ дѣлу.

Черезъ нѣсколько дней деканъ примчался съ жалобой къ епископу, будто королевскіе чиновники хозяйничали въ его лѣсахъ, какъ у себя дома, брали его поселенцевъ и переселяли на другія земли, а какой-то отрядъ королевскихъ войскъ уже занялъ значительную часть его владѣній.

Такого насилія со временъ войнъ Локтика еще не бывало, а, слѣдовательно, и не было случайнымъ. Въ этомъ дѣйстви чувствовалось распоряженіе свыше и объявленіе епископу непримиримой войны.

Епископъ, выслушавъ жалобу декана, хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ замокъ и произнести надъ королемъ проклятіе. Но его удержали и послали за о. Барычкой.

Послѣдній торжествовалъ.

— Значить, случилось такъ, какъ я предвидѣлъ!—воскликнулъ онъ.—Если одно прошло безнаказанно, то отчего имъ не попробовать идти дальше? Значить, пастырское терпѣніе достаточно испытано. Итакъ, пора ужъ низвергнуть на него всѣ громы и молніи, пора, пора!

Въ тотъ же день былъ собранъ весь капитулъ на совѣтъ...

Съ момента посвященія папой во епископы Бозайта, хотя капитулъ и не могъ сопротивляться ему, тѣмъ не менѣе между нимъ и епископомъ не было ни любви, ни согласія. Собравшіеся каноники выслушали молча жалобы и хотя не возражали противъ мнѣнія жалобщиковъ, но и не приняли близко къ сердцу этой ссоры.

Собственно говоря, Бозаитъ не спрашивалъ совѣта, а только докладывалъ къ свѣдѣнію капитула. Ксендзъ Барычка овладѣлъ имъ совершенно и шелъ впередъ, не оглядываясь: онъ готовъ былъ на все, хоть на войну, хоть на мученья, и радъ былъ поддержать во всемъ епископа, сопутствовать ему къ королю и идти хоть въ огонь или воду.

Епископъ, послѣ долгаго совѣта съ нимъ, призналъ, что ему неудобно второй разъ идти къ королю, послѣ перваго столкновенія; Барычка вызвался замѣнить его и отъ его имени торжественно потребовать удовлетворенія, послѣдній разъ предостеречь короля и пригрозить ему анафемой.

Но насколько Барычка горячился, настолько же епископъ колебался и охладѣвалъ; но о. Мартинъ настаивалъ, просилъ и умолялъ послать его.

Наконецъ Бозаитъ уступилъ и назначилъ день. Это было въ концѣ января; король постоянно ѣздилъ на охоту, и когда возвратился, то Барычка немедленно порѣшилъ идти въ замокъ... Долгое ожиданіе, искреннее желаніе выйти съ плетью противъ порока, чрезвычайное усердіе челоуѣка, проникшагося важностью своею посланничества, не дали заснуть ему всю ночь, и онъ провелъ ее на колѣняхъ въ своей холодной кельѣ, прося Бога внушить ему добрыя мысли и ниспослать убѣдительный даръ слова.

На разсвѣтъ онъ отправился отслужить обѣдню на Вавелѣ, во время которой онъ плакалъ и благодарилъ Бога, что Онъ позволилъ ему выступить защитникомъ праваго дѣла и подвергнуть себя, во славу Его, мученической опасности.

По окончаніи обѣдни, онъ, съ молитвою на устахъ, возвратился въ ризницу, весь преисполненный мыслью и горячаго желанія мученичества. Онъ началъ снимать съ себя ризы и вдругъ замѣтилъ стоящаго и какъ будто ожидающаго его ксендза Суховилька.

Это были два противоположные и не могущіе сойтись между собою характера; оба были честны, но различно. Барычка былъ сотворенъ проповѣдникомъ, а Суховилькъ — спокойнымъ правителемъ. Насколько Барычка былъ набожнымъ, настолько Суховилькъ — полезнымъ и дѣятельнымъ; насколько тотъ былъ горячъ, настолько этотъ разсудителенъ. Первый зналъ свѣтъ,

какимъ его видѣлъ въ церкви изъ алтаря, а второй — какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Отецъ Мартинъ Барычка, предчувствуя, что о. Суховилькъ намѣренъ съ нимъ говорить, хотѣлъ избѣгнуть этого разговора и собрался уйти, но послѣдній рѣшительно загородилъ ему дорогу и поздоровался съ нимъ.

— Одно слово, — отозвался онъ. — Хотя я вижу, что вы спѣшите къ королю, однако же прошу выслушать меня.

Барычка долженъ былъ согласиться.

— Я такой же духовный, отецъ мой, какъ и вы, — продолжалъ о. Суховилькъ. — Дѣла церкви и всего нашего духовенства столько-же касаются меня, сколько и васъ. Мнѣ сказали вчера, что вы пойдете сегодня по приказанію епископа къ королю. Никто изъ насъ, духовныхъ, не смѣетъ сопротивляться волѣ епископа и вы исполните его порученіе; но, отецъ мой, служители церкви — тоже люди, Господь и ихъ допускаетъ до гнѣва и пристрастнаго сужденія о томъ, что можно свершить безъ гнѣва и безипристрастно, а потому совѣтую вамъ поступить разсудительно: лаской вы достигнете большого, чѣмъ угрозами.

Ксендзъ Барычка покраснѣлъ.

— Я поступлю такъ, какъ мнѣ внушитъ моя совѣсть и обязанность, — отвѣтилъ нетерпѣливо о. Барычка. — Всѣ средства кротости исчерпаны и осталось только дѣйствовать угрозой. Спаситель гналъ изъ храма торговцевъ плеткой, а потому и его служители бываютъ иногда вынуждены взять такую же плетку и пустить ее въ дѣло противъ грѣшниковъ.

Отецъ Суховилькъ хладнокровно слушалъ его.

— Да, — возразилъ онъ, — Христосъ только одинъ разъ въ жизни изгонялъ плеткой неуважающихъ храмъ молитвы, но Христосъ былъ Богомъ и Ему надо было бить плеткой... А мы вѣдь люди и Онъ завѣщалъ намъ кротость, покорность, милосердіе, смиреніе и снисходительность. Все это передано намъ словами Св. Павла. Поэтому заклинаю васъ не увлекаться! Помолитесь еще разъ и просите Бога вдохнуть въ вашу душу спокойствіе; идите съ правдой на устахъ и милосердіемъ въ сердца. Король грѣшенъ и я не прошу васъ полагать ему. Только вы владейте собою, потому что онъ все-таки король.

— Для меня онъ обыкновенный смертный и грѣшникъ! — возразилъ о. Барычка.

Отецъ Суховилькъ заломилъ руки.

— Я уважаю ваше усердіе и отвагу, — сказалъ онъ, — но ими вы ничего не сдѣлаете, а только возмутите и не обратите его на путь истины. Изъ-за этого между вами произойдетъ ссора и борьба, которая вмѣсто приближенія васъ къ королевскому престолу только удалитъ отъ него, и вы воляете въ его сердце ядъ озлобленія. Слѣдуйте ученію Христа, будьте строги, но милосердны, справедливы и милостивы...

О. Барычка сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я глубоко убѣжденъ, — сказалъ онъ, — что исполняю священный долгъ и что въ такія минуты Господь оскѣнитъ мое посланничество Своей благодатью. Онъ Самъ будетъ говорить моими устами; а если-бъ я сталъ подавлять въ себѣ гласъ Божій своимъ недостойнымъ умомъ, то жестоко-бы согрѣшилъ! Я ужъ молился и просилъ Св. Духа снизойти на меня и внушить мнѣ даръ убѣдительнаго слова.

Съ этими словами о. Барычка поклонился о. Суховильку и ушелъ изъ ризницы.

Если-бъ о настоящемъ состояніи его духа можно было-бы сказать, что онъ былъ пьянъ, то, быть можетъ, такое опредѣленіе было-бы какъ нельзя болѣе точнымъ и подходящимъ къ нему, потому что онъ, опьяненный миссіей своего посланничества, явился въ королевскія комнаты въ стихарѣ и орарѣ, съ крестомъ въ рукѣ. Онъ былъ блѣденъ, зная, что при дворѣ у него есть враги, которые, быть можетъ, не допустятъ его до короля.

Дѣйствительно, его встрѣтили насмѣшливыми, гордыми и злобными взглядами; но это не смутило его, и онъ смѣло пошелъ къ Добеку Бончу, который стоялъ ближе другихъ, и громко сказалъ:

— Доложите обо мнѣ королю. Я пришелъ отъ епископа.

Ни Добекъ, ни кто другой не отвѣчали ему и не двигались съ мѣста, вслѣдствіе чего онъ повторилъ то же самое, но громче.

Пшедборъ Задора, стоявшій вдали, неохотно и съ пренебреженіемъ отвѣтилъ ему, что король занятъ и его нельзя видѣть.

— Въ такомъ случаѣ, я подожду, пока онъ освободится, — замѣтилъ о. Барычка.

Въ залѣ воцарилось молчаніе, и нужно было вооружиться большимъ терпѣніемъ, чтобы спокойно выстоять на мѣстѣ среди молодежи, которая насмѣхалась надъ нимъ, презрительно смотрѣла, умышленно шумѣла и издѣвалась надъ его самоотверженіемъ.

Но о. Барычка, сжимая крестъ въ рукахъ, весь блѣдный, молился и стоялъ на мѣстѣ. Придворные, которые думали, что они сумѣютъ спровадить его, жестоко ошиблись и начали беспокоиться. Видно было, что о. Барычка не уйдетъ по своей волѣ, а духовнаго никто не осмѣливался вышвырнуть за дверь.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый часъ. Люди входили и выходили изъ королевскихъ комнатъ; придворные мѣнялись; приходили все новыя лица, которыя удостаивались аудіенціи, а о. Барычка все ждалъ. Встрѣтившіе его смѣхомъ и пренебреженіемъ начали ужъ съ тревогой посматривать на него. Коханъ, выглянувшій нѣсколько разъ въ дверь, очевидно рассчиталъ, что чѣмъ больше онъ будетъ мучить его, то тѣмъ больше у него накопится желчи и озлобленія.

Въ виду этого, послѣ приѣма еще нѣсколькихъ лицъ, ему молча указали на дверь. Входя въ комнату короля, онъ нарочно оставилъ за собою дверь открытою, къ которой тотчасъ придвинулся весь дворъ. Король Казиміръ сидѣлъ у стола, принявъ царственно-величественный видъ, совсѣмъ не такой, съ какимъ онъ разговаривалъ съ холопами и нищими, встрѣчаемыми въ окрестностяхъ Кракова. Ксендзъ Барычка едва кивнулъ ему головою. Онъ хотѣлъ открыть ротъ и только теперь почувствовалъ, что всѣ тѣ мученія, какія онъ испыталъ со вчерашняго дня, изсушили ему языкъ и уста. Онъ вынужденъ былъ помолчать минуту.

— Я присланъ къ вашему величеству, — наконецъ отозвался онъ, — моимъ пастыремъ и отъ его имени обязанъ объявить вамъ его волю. Однажды онъ самъ напоминалъ вамъ объ исправленіи вашей жизни и уваженіи церкви. Но слова его остались безъ послѣдствій и вдобавокъ за это ему начали истить. Отцу не подобаетъ второй разъ напоминать своему сыну о его обязанностяхъ и я явился къ вамъ отъ его имени не

только съ напосланиемъ, но и угрозою. Взгляните на свою жизнь: достойна ли она короля? Вы сокрушаете всѣ церковныя права ради угожденія своей страсти, отнимаете церковное имущество, учиняете епископу дерзкую месть, изгоняете королеву...

Казимиръ нахмурилъ брови и сдѣлалъ грозный жестъ.

— Довольно!—воскликнулъ онъ.—Что я могъ спокойно выслушать отъ епископа, того не потерплю отъ тебя.

— Я—священникъ, слуга церкви и посолъ!—гордо отвѣтилъ о. Барычка.—Вы должны выслушать меня, а если пренебрежете моими наставленіями, то церковь отлучитъ васъ отъ своего лона.

— Я ужъ слышалъ объ отлученіи!—равнодушно возразилъ король,—и, какъ видишь, не испугался вашей угрозы.

И онъ строго взглянулъ на о. Барычку, а затѣмъ прибавилъ:

— Вы отлучаете, а Римъ возвращаетъ. Но вѣдь и я имѣю кое-какую силу, какъ государь. Вы мои подданные и я вамъ верховный судья!

— Только не надо мною!—возразилъ жестокий ксендзъ.—Я не подданный этого королевства... мой государь въ Римѣ и мой судья—епископъ, но отнюдь не вы... я не принадлежу вамъ...

Король поблѣднѣлъ и всталъ съ кресла, притворяясь равнодушнымъ, но руки его и уста дрожали, а глаза бѣгали по комнатамъ, какъ будто онъ искалъ кого-либо, чтобы тотъ освободилъ его отъ этого нахала.

Ксендзъ Барычка стоялъ, чувствуя, что его слова не прошли безъ непріятнаго впечатлѣнія.

— Голодь, моръ и другія несчастья ниспосылались ужъ на это государство,—продолжалъ онъ,—и произойдутъ еще большія бѣды, ибо Господь не проститъ тому народу, властелинъ и правитель котораго является завѣдомо великимъ грѣшникомъ, и для него не будетъ милосердія. Онъ не дастъ вамъ желаемого потомка, съ вами прекратится вашъ родъ и раздробится все ваше государство. Всѣ каменные зданія, которыя вы возводите, превратятся въ развалины, ихъ разнесетъ непріятель и отъ этихъ Содома и Гоморы не останется ни одного камня.

Скоро настанетъ день, когда здѣсь не будетъ ни одного праведника, коль скоро тотъ, кто долженъ быть праведнымъ, завязъ по уши въ своихъ грѣхахъ. Поэтому, всемилостивѣйшій король, взываю къ вамъ гласомъ Божиимъ: опомнитесь и исправьтесь!

Король стоялъ во время этой вдохновенной рѣчи у окна и смотрѣлъ въ него неподвижными глазами. Видно было только его нетерпѣливое дрожаніе, которое онъ старался побѣдить въ себѣ. Онъ рѣшился не отвѣчать и, отвернувшись къ окну, ужъ больше не взглянулъ на него. Въ этомъ обращеніи было столько оскорбительнаго для отца Мартина, что слова его замерли на губахъ, онъ смутился и умолкъ. Между тѣмъ, позади него, въ дверяхъ, стоялъ весь дворъ, возмущаясь и не смѣя прикоснуться къ нему. Настало глубокое молчаніе. Коханъ, опершись плечами о косякъ двери, сжималъ кулаки и сдерживалъ себя отъ рѣшительнаго шага въ присутствіи короля, хотя ужъ нѣсколько разъ хватался за мечъ.

Тутъ же подлѣ него стояли братья Задоры съ такими же чувствами и, какъ бы ожидая его приказаній, смотрѣли на неустрашимаго ксендза. Придворные старшины, видя ихъ крайне возбужденіе, сдерживали ихъ шепотомъ, чтобы они не бросились на Барычку.

— Я исполнилъ, что мнѣ было приказано,—отозвался онъ наконецъ.— Но помните, государь, что васъ ждетъ отлученіе. Но король не повернулся и еще ближе подошелъ къ окну, какъ будто увидѣвъ на дворѣ что-то интересное.

Отецъ Барычка постоялъ минуту, поколебался, повернулся къ дверямъ и смѣло прошелъ между придворными въ залу. Проходя мимо Кохана, онъ почти прикоснулся къ нему, и послѣдній схватилъ его за рукавъ стихаря.

— Помни!—сказалъ онъ ему на ухо.—Что обѣщалъ, то исполню!.. Погибнешь, кутейникъ!..

Но ксендзъ какъ будто не слышалъ угрозы, молился и медленнымъ шагомъ пошелъ въ ризницу дворцовой церкви. Его сопровождала толпа любопытныхъ, слѣдуя за нимъ издали до церковныхъ дверей, пока онъ не исчезъ за ними.

Барычка подошелъ прямо къ главному престолу, сталъ на колѣни и кончилъ тамъ свои молитвы.

Епископъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ его возвращенія: о. Барычка пробылъ у короля дольше, чѣмъ онъ ожидалъ, и пришелъ къ епископу съ сильно омраченнымъ лицомъ. Они посмотрѣли другъ на друга. Епископъ Бозаитъ читалъ по его лицу. Но у ксендза не доставало силъ разсказать о своемъ грустномъ посольствѣ: онъ изсякли у него, благодаря безсонной ночи, проведенной имъ въ молитвѣ, и смѣлости, съ какою онъ выступилъ противъ короля, и тому презрѣнію, съ которымъ онъ ушелъ.

Епископъ, видя его дрожащимъ и ослабшимъ, самъ принесъ ему кубокъ вина и заставилъ его омочить въ немъ губы. Этотъ человѣкъ, который только что готовъ былъ на всякія мученія, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, былъ убитъ и со слезами на глазахъ. Ему казалось непонятнымъ, что его встрѣтило въ замкѣ. Онъ былъ увѣренъ въ своей силѣ и благополучномъ результатѣ посольства; но собственная немощъ привела его къ отчаянію и униженію. Это обстоятельство онъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что не былъ достоинъ той Божьей благодати, о которой онъ такъ горячо молилъ и просилъ. Бозаитъ началъ проявлять нетерпѣніе и злиться, слушая отчетъ Барычки.

— А! не боится отлученія! — воскликнулъ онъ, — въ такомъ случаѣ, онъ самъ стремится къ этому! Я тоже не побоюсь провозгласить проклятiе со всѣми его послѣдствіями!.. Пусть же случится то, что самъ Богъ предназначилъ и да будетъ благо-словенно Его имя!

И онъ печально опустилъ голову на грудь.

Оставалось одно, послѣднее оружіе. Война была объявлена, а миръ безъ униженія — не возможенъ. Однако, хоть епископъ и хотѣлъ прибѣгнуть къ этому оружію, но колебался.

Барычка вытиралъ слезы.

Въ епископскомъ домѣ воцарились молчаніе и какое-то неопредѣленное опасеніе за вчерашній день. Епископъ очутился на краю пропасти, передъ которою нельзя было попятиться, и она поражала его своею глубиною. Въ послѣднее время клятвы и интердикты становились все рѣже. Въ Римѣ не одобряли ихъ и не совѣтовали прибѣгать къ такимъ мѣрамъ наказанія, ибо духовенство стало злоупотреблять ими и, такимъ образомъ, это единственное оружіе церкви значительно ослабло.

Короля Казимира уважали въ апостольской столицѣ, какъ и его отца, и онъ имѣлъ тамъ своихъ приверженцевъ и защитниковъ. Кромѣ того, самъ архіепископъ гнѣзненскій стоялъ за него и являлся не послѣднимъ миротворцемъ.

Такимъ образомъ, у епископа Бозаита оставалась тяжелая крайность, которая могла вызвать непредвидѣнные послѣдствія. Какъ онъ самъ и церковь, такъ точно народъ и все королевство могло быть подверженно большимъ непріятностямъ, и враги могли воспользоваться ослабленіемъ королевской власти.

Но было ужъ поздно отступать назадъ.

Король, отвернувшись къ окну, не взглянулъ на уходившаго Барычку, а когда услышалъ за собою шаги Кохана, то былъ увѣренъ, что епископскій посланецъ уже ушелъ. Онъ взглянулъ на Раву. Послѣдній вздрогнулъ, увидѣвъ лицо короля, внезапно повернувшася къ нему. Никто не видѣлъ благородныя черты Казимира такъ измѣнившимися и отражавшими то, что дѣлалось въ его душѣ, какъ въ данный моментъ. Казимиръ обладалъ въ высшей степени тѣмъ королевскимъ величіемъ и спокойствіемъ, которое скрывало внутри него такія чувства, которыхъ не могъ видѣть свѣтъ, радоваться или насмѣхаться надъ ними. Въ рѣдкія свободныя минуты можно было замѣтить, когда онъ находился въ тѣсномъ кружкѣ, какъ онъ страдалъ и что испытывалъ. Даже то непобѣдимое и грозное предчувствіе, что онъ долженъ остаться безъ наслѣдника мужского пола и быть послѣднимъ въ роду, онъ стоически скрывалъ въ себѣ и говорилъ о томъ только въ кружкѣ самыхъ близкихъ ему людей. Но въ этотъ моментъ онъ былъ такъ сильно взволнованъ и оскорбленъ, что забылъ о своемъ достоинствѣ, быть можетъ, зная, что никто посторонній не увидитъ его и не осудитъ.

Коханъ, вся фигура котораго кипѣла гнѣвомъ, только переглянулся съ нимъ, и король неувѣренными шагами подошелъ къ своему столу, упалъ въ кресло и оперся на руку.

Мало-по-малу онъ началъ приходить въ себя.

Коханъ стоялъ передъ нимъ, какъ будто ожидая его приказаній; король водилъ блуждающими глазами по комнатѣ и

наконецъ вздрогнулъ, точно онъ хотѣлъ сбросить съ себя всю тяжесть непріятностей, сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ встать, и опять сѣлъ, а затѣмъ тихо спросилъ объ отцѣ Суховилькѣ.

Послѣдняго не было въ Вавелѣ.

Коханъ спросилъ, не послать ли за нимъ, но король отрицательно замоталъ головою, а затѣмъ спросилъ, не ждетъ ли кто его аудіенціи. Оказалось, что ея ждали нѣсколько чело-вѣкъ.

Онъ приказалъ подать ему воды съ виномъ и началъ прохаживаться по комнатѣ. Его любимецъ не смѣлъ заговорить о томъ, что произошло и чему всѣ были очевидцами и свидѣтелями. Онъ ушелъ.

Весь дворъ былъ пораженъ случившимся. Болѣе благочестивые люди, зная епископа и Барычку, боялись послѣдствій, но большинство кипѣло гнѣвомъ и местию. Никто, конечно, не зналъ о настроеніи короля, кромѣ Кохана, который видѣлъ по лицу его обиду и желаніе отразить ударъ. Угадалъ ли онъ эту мысль или нѣтъ, но онъ рѣшился отмстить за короля, и то, что онъ сказалъ Барычкѣ на свадьбѣ и повторилъ у дверей, — пожелалъ исполнить. Онъ не думалъ ни съ кѣмъ совѣтоваться о томъ, а только слушался своего внутренняго голоса и рѣшился дѣйствовать.

— Кутейникъ долженъ погибнуть, — повторялъ онъ про себя, — чтобы другіе научились уважать короля.

Любовь къ королю до того ослѣпила его, что онъ не думалъ о послѣдствіяхъ.

Выйдя изъ королевской комнаты, въ которую стали впускать поочередно ожидающихъ аудіенціи, Коханъ отправился къ себѣ. Король успокоился и по обыкновенію ласково и съ улыбкой принималъ тѣхъ, кто нуждался въ немъ, начиная съ бѣднѣйшихъ, какъ было имъ установлено и принято. Едва Коханъ ушелъ изъ замка, какъ оба брата Задоры, его добровольные слуги, безъ которыхъ онъ не могъ обходиться, поспѣшили за нимъ, а также пошелъ и задумчивый Добежъ Бонча, котораго прозвали Фредрой.

Жилище королевскаго любимца, состоявшее изъ трехъ комнатъ, находившихся при замкѣ, было такъ-же изящно убрано,

какъ и онъ самъ, привыкшій къ излишествамъ и роскоши. Въ нихъ находилось все, хоть и въ меньшихъ размѣрахъ, что украшало жилища самыхъ богатыхъ людей того времени. Самъ король, зная вкусъ своего любимца, друзья и пріятеля, а также и тѣ, кто нуждался въ его помощи, осыпали его подарками. Не одну вещь получилъ онъ отъ дружественнаго ему Вѣржинка. Да и самъ онъ, вмѣсто того, чтобы копить капиталъ, тратилъ его на покупки различныхъ изящныхъ вещей. Вездѣ было ихъ много и онъ любовался ими наравнѣ съ своими богатыми нарядами. Вездѣ было золото, серебро, дорогія ткани, ковры, издѣлія изъ слоновой кости, глины и венеціанскаго стекла. Одна стѣна была завѣшана великолѣпнѣйшимъ оружіемъ, луками щитами и мечами.

Словомъ, въ его квартирѣ царствовала такая роскошь, которой не постыдился бы и самъ король, а лютня, небрежно брошенная на подушку его постели, доказывала, что онъ по временамъ занимался музыкой. И дѣйствительно, артистъ, любимый венгерской королевой Елисаветой, которая обожала музыку и возила съ собою музыкантовъ и пѣвцовъ, научилъ Кохана играть, и хотя послѣдній не имѣлъ способности къ музыкѣ, тѣмъ не менѣе научился бречать и по временамъ услаждалъ свой слухъ.

Двое Задоровъ и Добекъ почти слѣдомъ вошли за Коханомъ въ небольшую комнату со сводами. Рава быстро повернулся къ нимъ, съ пѣлью прочесть на ихъ лицахъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ выходка о. Барычки, и увидѣлъ, что они были настроены точно такъ же, какъ и онъ. Только Добекъ, никогда не обнаруживавшій своихъ чувствъ, держалъ себя холодно и равнодушно. Но всѣ знали, что значить этотъ холодъ.

Задоры, не привыкшіе задавать вопросовъ, ждали, что имъ скажетъ Коханъ.

— Кутейникъ произнесъ самъ надъ собою приговоръ, — стозвался Рава. — Если оставить его безъ наказанія, то король можетъ очутиться въ опасности: его станутъ безчестить въ церквахъ и указывать на него пальцами. Кто мнѣ поможетъ сдержать слово — убрать со свѣта этого кутейника, тотъ можетъ рассчитывать на королевскія милости и мою благодарность, —

прибавилъ онъ помолчавъ. — Напасть на него и убить было бы для него большою честью, къ которой онъ стремится! Нѣтъ, его надо удалить со свѣта безъ всякой огласки, какъ собаку. — Добекъ слушалъ его, упершись рукою въ бокъ и смотря на него свысока; Задоры переглянулись между собою: они вообще мало разговаривали.

— Плохой совѣтъ, Коханъ, — отозвался Фредро, помолчавъ. — Ты знаешь, что я не лъщу никому, — ни тебѣ, ни королю, и говорю прямо: ты даешь очень плохой совѣтъ. Ксендза убрать очень легко, но что изъ этого? Быть можетъ, онъ самъ желаетъ погибнуть! Тогда все свалить на короля, провозгласить его разбойникомъ, низвергнуть проклятія, бросать въ него анаемой и Богъ знаетъ, что произойдетъ! Я самъ люблю короля, не менѣе тебя, если-бъ ему грозила какая нибудь опасность, то отдалъ бы за него свою жизнь, но къ такой мести не слѣдуетъ прибѣгать и я не буду въ ней участвовать. Онъ самъ того желаетъ и пошелъ за тѣмъ, чтобы обрѣсти мученическій вѣнецъ. Король презрѣлъ его, и вотъ тебѣ примѣръ и указаніе.

И Добекъ повернулся къ окну, не сказавъ больше ни слова.

— Я знаю короля лучше тебя! — воскликнулъ обиженный Коханъ, — ему не пристало больше ничего дѣлать, какъ только презирать, а наши обязанности другія... и я знаю, что мнѣ дѣлать!... Если ты не желаешь пристать къ намъ, то мы и безъ тебя обойдемся.

Добекъ поправилъ колпакъ на головѣ и закусилъ губу.

— Именно, я и хотѣлъ, тебѣ сказать, чтобы ты обошелся безъ моей помощи, — сказалъ онъ, — но все-таки я кончу свой добрый совѣтъ: позволь кутейнику пожить и не посягай на него... А пока — прощай!

И Добекъ, осмотрѣвшись кругомъ, засвистѣлъ что-то и спокойно, горделивою поступью, пошелъ къ дверямъ.

Задоры остались съ Коханомъ, который былъ вполне увѣренъ, что они сдѣлаютъ все, что бы онъ имъ ни поручилъ, такъ какъ видѣлъ, что они раздѣляютъ его гнѣвъ.

Благодаря этому, они начали совѣтоваться втроемъ, и совѣтъ ихъ продолжался довольно долго. То, что мстительные придворные задумали исполнить, было довольно трудно. Напасть

на Ксэндза и даже убить его, когда онъ возвращался поздною ночью домой въ сопровожденіи мальчика съ фонаремъ, почти не стоило никакихъ усилій; но Коханъ намѣревался избавиться отъ него другимъ путемъ.

Заговорщики рѣшили не спѣшить съ исполненіемъ приговора, чтобы ихъ месть не была чересчуръ ясной и замѣтной, а затѣмъ, воспользовавшись случаемъ, лишить его жизни такъ, чтобы все осталось навѣки тайной.

Послѣ того, какъ Задоры вышли отъ Кохана, по ихъ омраченнымъ лицамъ легко было догадаться, что на ихъ плечи взвалена тяжелая ноша. Надѣвъ свои кожухи, оба они отправились въ городъ, каждый въ свою сторону.

Ксэндзъ Барычка, о храбрости котораго въ тотъ же день заговорили во всѣхъ приходѣхъ и монастыряхъ, какъ бы то ни было, остался доволенъ своимъ геройствомъ и тѣми отзывами, которые слышалъ о себѣ: его превозносили до небесъ.

Отдохнувъ нѣкоторое время у епископа, о. Барычка отправился къ себѣ, въ помѣщеніе викаріата, гдѣ занималъ двѣ маленькихъ келіи. Человѣкъ всегда виденъ по своему жилищу, хоть бы онъ не самъ строилъ его, такъ какъ его жизнь доказываетъ, чѣмъ онъ пользуется и какія его потребности. Его комнаты никогда не отапливались, да въ нихъ не было даже жаровни, въ которой горѣли бы угли; послѣдними пользовались въ тѣхъ домахъ, гдѣ не было ни каминовъ, ни печей, которые только что вводились въ это время въ домашній обиходъ.

Ксэндзъ Барычка велъ аскетическую жизнь. Въ первой комнатѣ жилъ бѣдный мальчикъ, услуживавшій ему и сопровождавшій его по вечерамъ съ фонаремъ въ рукахъ; въ другой — стояла широкая скамейка съ твердымъ тюфякомъ и наложъ; на стѣнѣ висѣла плетка съ проволочными наконечниками, распятыя и одежда; на столѣ лежало нѣсколько книжекъ, а у стола стоялъ сундукъ съ бѣльемъ и разною необходимою мелочью.

Онъ происходилъ изъ богатой семьи, но, надѣвъ священническую рясу, добровольно отказался отъ богатства и сдѣлался нищимъ: все, что у него было, онъ роздалъ бѣднымъ и оставилъ себѣ то, что нужно было для поддержанія жизни, — въ остальномъ онъ не имѣлъ нужды. Молитва, посты, бичеваніе и постоянныя духовныя требы, которыми онъ напутствовалъ дру-

гихъ, держали его въ постоянномъ возбужденіи, въ родѣ аскетической горячки, отъ которой онъ никогда не приходилъ въ себя. Онъ даже не чувствовалъ умерщвленія, на которое посвятилъ себя, ибо такое состояніе вызываетъ нечувствительность всего организма. Онъ чувствовалъ холодъ, голодъ и истощеніе только тогда, когда лишался силъ и падалъ въ изнеможеніи.

Но будучи суровымъ для самого себя, онъ не былъ также снисходительнымъ и для другихъ; напротивъ, онъ немилосердно обходился съ людьми, такъ что даже тѣ, которые его уважали, не могли любить. Казалось, что онъ нарочно отталкиваетъ отъ себя, чтобы люди не благодарили его за то, за что онъ рассчитывалъ получить награду въ небесахъ.

Итакъ, король уѣхалъ на охоту. Какъ въ замкѣ, такъ и въ городѣ говорили о посольствѣ епископа къ королю Казимиру и ожидали результата; но ничего не было слышно, и отлученіе короля отъ церкви, казалось, было отложено. Хотя епископъ рѣшился изрыгнуть проклятіе, но не сдѣлалъ.

Между тѣмъ о. Барычка, насколько онъ былъ до своего посольства дерзкимъ и вызывающимъ, беспокойнымъ и нетерпимымъ, настолько же онъ сдѣлался какимъ-то страннымъ, смиреннымъ, покорнымъ и молчаливымъ. Онъ казнилъ себя мыслью, что Господь наказалъ его за ту самонадѣянность, съ какою онъ отправился къ королю наставить его на путь истины, въ которую онъ вложилъ всю свою душу. Жизнь его, конечно, шла своимъ чередомъ, но только онъ рѣже сталъ посѣщать епископскій дворъ: онъ больше сидѣлъ въ костелѣ, молился и исполнялъ духовныя требы. Бѣдный мальчикъ Янекъ, взятый имъ съ улицы, который служилъ ему и смотрѣлъ въ глаза, какъ собака, чтобы узнать инстинктомъ, чего желаетъ его господинъ, часто говорилъ, что ксендзь Барычка былъ за послѣднее время очень грустенъ, сильно бичевался, стоялъ на коленяхъ на холодномъ полу и много плакалъ.

Янекъ былъ домашнимъ шпиономъ, но съ хорошими побужденіями, такъ какъ насколько онъ любилъ ксендза, настолько же и боялся его. Онъ былъ ему обязанъ всѣмъ, начиная съ теплой одежды и обуви и кончая пищей, которая хоть и была постной, но достаточной для его неприхотливаго вкуса, и тощій мальчишка, ходившій прежде изъ дома въ домъ съ горшечкомъ,

какъ это было въ обычаѣ въ Краковѣ у дѣтей, не имѣвшихъ чѣмъ питаться, но посѣщавшихъ школу Святой Дѣвы Маріи, теперь выглядѣлъ здоровымъ, краснощекимымъ мальчуганомъ. Онъ былъ привязанъ къ своему благодѣтелю и жилъ только имъ однимъ.

Наканунѣ св. Луціи о. Барычка былъ приглашенъ отслужить обѣдню у францисканцевъ, а такъ какъ передъ началомъ литургіи, которую онъ долженъ былъ отслужить раннимъ утромъ онъ обыкновенно очень долго молился, то онъ отправился въ церковь черезчуръ рано и чуть ли не тотчасъ послѣ полуночи, безъ сопровожденія Янчика.

По обыкновенію, если онъ былъ приглашаемъ въ чужія церкви служить обѣдню, то всегда возвращался къ общему обѣду въ викаріатѣ и обѣдалъ вмѣстѣ со всѣми священниками; но на этотъ разъ его ждали напрасно, и ксендзы, предполагая, что онъ остался на обѣдѣ у францисканцевъ, сѣли безъ него за столъ, приказавъ выдать изъ кухни порцію Янчика.

Прошелъ полдень и время приближалось къ вечеру, а ксендзъ Барычка не возвращался. Передъ сумерками Янчикъ приготовилъ все, что нужно было его господину передъ отходомъ ко сну, ожидая его возвращенія каждую минуту. Онъ никогда не опаздывалъ, такъ какъ, служа каждый день обѣдню, согласно уставу, долженъ былъ заснуть до полуночи, а ложась спать онъ еще долго молился. Но въ этотъ день онъ, очевидно, опоздалъ; огарокъ свѣчи догорѣлъ и Янчикъ началъ сильно безпокоиться. Привыкши обходиться безъ часовъ, онъ, по своимъ соображеніямъ, думалъ, что ужъ было близко къ полуночи, и опозданіе ксендза очень удивило его. При малѣйшемъ шелестѣ въ корридорѣ онъ выбѣгалъ съ огаркомъ навстрѣчу и постоянно прислушивался. Всѣ другіе священники давно ужъ вернулись домой, а его все не было. Мальчикъ молился отъ страха; но когда, по его мнѣнію, была ужъ полночь, онъ не утерпѣлъ и постучалъ въ дверь каноника Андраша, который, по обыкновенію, читалъ книги и не спалъ до полуночи.

Ксендзъ Андрашъ былъ среднихъ лѣтъ, веселаго нрава и развязный въ обращеніи; только для мальчиковъ онъ казался суровымъ, шутя бранилъ ихъ и ворчалъ. Но его никто не боялся, и Янчикъ держалъ себя съ нимъ болѣе фамиллярно,

чѣмъ съ другими, хотя онъ часто таскалъ его за уши. На его стукъ въ дверь ксендзъ Андранъ, еще не спавшій, отозвался грубымъ голосомъ и началъ браниться, хоть и не было за что.

— Что ты шляешься, какъ призракъ, по ночамъ?—заворчалъ онъ на мальчугана.

Но едва онъ взглянулъ на Янчика и замѣтилъ его дѣтскій испугъ, какъ быстро подошелъ къ нему.

— Что съ тобой?.. Что случилось?—спросилъ онъ.

— Ксендзъ Мартинъ еще не вернулся...—пробормоталъ онъ.

— Не вернулся?! А гдѣ же онъ былъ?

— Вчера ушелъ къ отцамъ францисканцамъ служить обѣдню.

— А потомъ?

Янчикъ не зналъ и почти плакалъ.

Каноникъ призадумался. Онъ не привыкъ ничего принимать близко къ сердцу и смотрѣть на всякій пустякъ трагически, а потому только пробормоталъ:

— Вѣрно, епископъ засадилъ его за спѣшную работу или... ужъ не знаю что... Теперь время уже за полночь, и если его нѣтъ, то и не будетъ. Ступай спать и не забудь помолиться, погасить огонь и запереть дверь. Ничего съ нимъ не случится, а если-бъ случилось, то было бы ужъ извѣстно.

Такимъ образомъ каноникъ успокоилъ мальчика.

Между тѣмъ Янчикъ заснулъ только передъ утромъ, до котораго не было ни самого Барычки, ни извѣстій о немъ.

Каноникъ, проснувшись утромъ, вспомнилъ о Янчикѣ, заглянулъ въ келью Барычки и узналъ отъ мальчика, что о Мартинѣ еще не возвращался, въ виду чего онъ рѣшилъ поискать его и, прежде всего, отправился къ оо. францисканцамъ.

Однако, спросивъ тамъ о ксендзѣ Мартинѣ, онъ узналъ отъ самого настоятеля монастыря, что ксендзъ Барычка неизвѣстно почему не явился къ обѣднѣ, хотя его ждали.

— Этого съ нимъ никогда не бывало,—заключилъ настоятель.—Если онъ захворалъ, то могъ бы своевременно прислать мальчика и увѣдомить, что онъ не можетъ служить.

— Онъ вовсе не боленъ,—возразилъ каноникъ, удивляясь и теперь ужъ принимая къ сердцу странное исчезновеніе о. Барычки,—но и въ викаріатѣ его ужъ нѣтъ вторыхъ сутки.

Оба священника остолебѣли.

Каноникъ тотчасъ отправился къ епископу, въ надеждѣ за-
стать у него пропавшаго или узнать о немъ, гдѣ онъ нахо-
дится. Но капелланъ, встрѣтившій каноника на порогѣ, отвѣ-
тилъ ему, что епископъ давно уже послалъ за нимъ, потому
что о. Барычка вчерашній день даже не заглянулъ къ нему,
между тѣмъ какъ онъ очень нуженъ епископу.

Оба пошли къ Бозайту.

Случай исчезновенія о. Барычки и ему показался страннымъ
и онъ всплеснулъ руками.

— Господи!—воскликнулъ онъ,—неужели онъ палъ жерт-
вой чьей-либо мести!?. Не можетъ быть!

На епископскомъ дворѣ произошелъ большой переполохъ.
Епископъ тотчасъ послалъ людей разыскивать его. Каноникъ
вернулся въ викаріатъ и засталъ только плачущаго Яничка.
Нѣкоторые изъ ксендзовъ высказывали свои догадки относи-
тельно чьей-либо мести и совершенія злого преступленія.

Вскорѣ во всемъ городѣ узнали объ исчезновеніи ксендза.
Хотя со времени его столкновенія съ королемъ прошло нѣсколько
недѣль, все успокоилось и ужъ нельзя было подозрѣвать, что-
бы кто-либо изъ придворныхъ осмѣлился мстить епископскому
послу, тѣмъ не менѣе, заходили разные слухи и миѣнія, ко-
торые росли какъ грибы.

Всѣ знали, что онъ былъ приглашенъ францисканцами
служить обѣдню; одинъ изъ ночныхъ сторожей даже видѣлъ,
какъ онъ направлялся къ монастырю.

Такимъ образомъ прошелъ еще день въ ожиданіи и на-
деждѣ, что, быть можетъ ксендзъ былъ перехваченъ кѣмъ ни-
будь по дорогѣ въ монастырь къ опасно больному. Всѣ знали
его усердіе, что онъ охотно шелъ туда, гдѣ нужно было спа-
сать грѣшную душу человѣка, въ какое бы то ни было время
дня и ночи; а потому еще надѣялись, что онъ скоро вернется.

Въ особенности безпокоился епископъ Бозайтъ и онъ пер-
вый началъ подозрѣвать придворныхъ въ мести.

На третій день произошло нѣчто такое, что дало поводъ
много думать и разсуждать. Какой-то крестьянинъ изъ деревни
Загнѣвниковъ, ѣхавшій очень рано съ живою птицей на ба-
заръ въ Краковъ, кому то рассказывалъ, что онъ, проѣзжая
въ эту ночь по льду черезъ Вислу, былъ невольнымъ свидѣ-

телемъ такого происшествія, которое сильно испугало его. Не будучи самъ замѣченнымъ, онъ видѣлъ людей, которыхъ однако же въ темнотѣ не могъ рассмотреть, какъ они тащили къ рѣкѣ человека. Последний не сопротивлялся имъ, и они, надѣвъ на него большой мѣшокъ, сунули его въ прорубь и сами тотчасъ убѣжали.

Въ виду этого тотчасъ послали за этимъ мужикомъ въ Загнѣвники; его разыскали и привели къ епископу. Онъ признался подъ присягой, что дѣйствительно видѣлъ такое преступленіе собственными глазами, и говорилъ, что жертва преступления шла спокойно съ сложенными руками, не кричала, не вырывалась и была одѣта въ черное.

День и часъ, когда это онъ видѣлъ допускали думать, что это былъ ксендзъ Барычка, но проверить фактъ было очень трудно, потому что Висла была замерзшии искать въ ней тѣла было немислимо, а до весны, а тѣмъ болѣе въ половодье, оно могло быть далеко отнесено водою.

Несмотря на то, что по признанью мужичка можно было только вывести одно предположеніе о преступленіи, тѣмъ не менѣе въ городѣ заговорили, что о. Барычку утопили. Послѣ мороза въ день святой Луціи, настала внезапная оттепель, пошелъ дождь, въ воздухѣ сдѣлалось чрезвычайно тепло, ледъ неожиданно началъ ломаться и рѣка вскрылась. Какимъ то особеннымъ чудомъ рыбаки, приготовлявшіеся на берегу рѣки къ предстоящей рыбной ловлѣ, замѣтили въ водѣ большой мѣшокъ, который плылъ далеко отъ берега. Надѣясь найти въ немъ хорошую добычу, они, съ опасностью для собственной жизни, привлекли его баграми и шестами къ берегу. Въ этомъ мѣшкѣ оказался ксендзъ Барычка съ сложенными руками и спокойнымъ выраженіемъ лица. Его узнали, а такъ какъ трупъ хорошо сохранился въ водѣ и имѣлъ удивительно спокойный и серьезный видъ, то простой народъ счелъ это за чудо, сталъ на колѣни, помолился и далъ знать о томъ епископу. Въ городѣ произошло радостное смятеніе: всѣ побѣждали смотрѣть мощи мученика, плакали, становились на колѣни, волновались, роптали и грозили.

Епископъ, узнавъ о находкѣ тѣла, тотчасъ пошелъ съ крестомъ, траурными хоругвями и духовенствомъ, приказавъ

звонить во всё колокола. Гробъ былъ взятъ изъ церкви, который ставился на катафалкъ во время служенія общихъ панихидъ по усопшимъ въ дни поминовеній праотцевъ. Духовенство изъ всѣхъ костеловъ и монастырей тоже вышло съ траурными хоругвями и крестами для сопровожденія тѣла для отпѣванія. Народъ сбѣжался со всего города.

Утопленника вынули изъ мѣшка; послѣдній началъ переходить изъ рукъ въ руки. Всѣ искали въ немъ какихъ-либо слѣдовъ или признаковъ ихъ къ розысканію преступниковъ. Но мѣшокъ оказался обыкновеннымъ, суконнымъ, въ которыхъ по обыкновенію возили зерновой хлѣбъ, только большой, очевидно сшитый изъ двухъ. Но при немъ нашли шнурокъ и ремень съ желѣзною пряжкой. Такіе ремни, въ большинствѣ, носила придворная челядь, и подозрѣніе возросло.

Торжественное перенесеніе тѣла въ церковь, заупокойныя обѣды и проповѣди, которыя говорилъ молодой ксендзъ, чрезвычайно возбудили народъ, проникшійся сокрушеніемъ.

Несмотря на общую печаль, всѣ однако же замѣтили, что ни въ церкви, ни на похоронахъ, ни на улицѣ не было никого изъ придворныхъ. Поэтому всѣ заговорили вслухъ, что это преступленіе совершено кѣмъ-либо изъ придворной челяди, и, вѣроятно, по приказанію самого короля.

Епископъ Бозаитъ, вернувшись изъ церкви послѣ первой панихиды по утопленникѣ, тѣло котораго онъ велѣлъ продержатъ въ ней нѣсколько сутокъ, чтобы видомъ его возбудить народъ противъ короля, рѣшительно заявилъ окружающимъ, что онъ произнесетъ проклятiе и отлучитъ короля отъ церкви. Однако не было никакихъ доказательствъ, по чьему приказанію совершено преступленіе. Юридическіе аргументы недостаточны были для обвиненія даже простого человѣка, а что же они могли сказать о королѣ?

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока тѣло о. Барычки стояло въ церкви для публичнаго поклоненія, распространился ужъ слухъ, что онъ творитъ чудеса; что по ночамъ отъ него исходитъ сіяніе; что больные получаютъ исцѣленіе и что его нетлѣнное тѣло издаетъ благовонный ароматъ и проч.

Между тѣмъ изъ дому Свиной Головы распространились такіе слухи: о. Барычка бывалъ у Кубы довольно часто и,

между прочимъ, былъ на свадьбѣ его дочери. Куба былъ невольнымъ свидѣтелемъ разговора Кохана съ о. Мартиномъ и началъ всѣмъ рассказывать о томъ, что онъ слышалъ собственными ушами, какъ Коханъ грозилъ ему смертью. Значить, никто не могъ совершить преступленія, кромѣ Кохана. Такимъ образомъ, рядомъ съ именемъ короля явилось имя его любимца, какъ орудіе его замысла, и у досужихъ людей составила цѣлая легенда, передаваемая изъ устъ въ уста на всѣ лады, но, къ сожалѣнію, никѣмъ и ничѣмъ недоказанная.

Ксендзъ Суховильскъ, видя, что эта легенда бросаетъ тѣнь на короля и оскорбляетъ его, будучи увѣренъ, что онъ не могъ принять участія въ таковомъ преступленіи, спросилъ его о томъ подъ клятвой, и король, разумѣется, отвѣтилъ ему откровенно. Отецъ Суховильскъ пошелъ съ этимъ его увѣреніемъ и клятвой къ епископу; но послѣдній и слушать его не хотѣлъ.

Въ послѣдній день, утромъ, передъ самыми похоронами Барычки, когда какая-то женщина пришла въ церковь съ больнымъ ребенкомъ, приложила къ нему крестъ и ребенокъ получилъ облегченіе, народъ провозгласилъ его святымъ мученикомъ. Въ тотъ же моментъ, какой-то оборванецъ съ растрепанными волосами, испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ и безумными глазами вбѣжалъ въ ризницу и сталъ просить ксендзовъ немедленно исповѣдовать его. Такъ какъ все духовенство готовилось къ похоронамъ, то ему велѣло прійти; но онъ упалъ на колѣни и требовалъ исповѣди, ибо былъ большимъ грѣшникомъ. Одинъ изъ священниковъ сжалился надъ нимъ, сѣлъ въ исповѣдальню и благословилъ; но не прошло и минуты, какъ ксендзъ всталъ и отправился съ кающимся, который былъ въ слезахъ, къ епископу. Это былъ конюхъ изъ королевской конюшни, прозванный Варгой, такъ какъ у него была разсѣчена губа. Онъ сталъ на колѣни передъ епископомъ и сознался, что участвовалъ въ преступленіи, совершенномъ братьями Задорами, которыхъ онъ видѣлъ до этого сговаривающимися съ Коханомъ. Такое признаніе Варги было записано при свидѣтеляхъ. А такъ какъ за ксендзомъ и преступникомъ въ комнату побѣило много людей, которые слышали признаніе, то городъ моментально узналъ, кто былъ орудіемъ преступленія. Благодаря этому, всѣ заговорили, что самъ король

приказалъ Кохану утопить Барычку, а Коханъ поручилъ это дѣло своимъ друзьямъ Задорамъ. Въ виду такихъ слуховъ, въ замкѣ произошелъ переполохъ. Самъ король подозрѣвалъ Кохана, что онъ, изъ привязанности къ нему, совершилъ преступленіе, тѣмъ не менѣе не спрашивалъ его о томъ и ничего знать не хотѣлъ. Рава тоже ходилъ безпокойный и измѣнившійся, такъ что его нельзя было узнать, и ничего не докладывалъ королю о ксендзѣ Барычкѣ. Въ день похоронъ, оба Задоры исчезли, точно предчувствуя, что Варга выдастъ ихъ, и этимъ еще сильнѣе увеличили подозрѣніе. Вечеромъ ксендзъ Суховильскъ вернулся изъ города и, несмотря на позднее время, пожелалъ непременно видѣться съ королемъ. Коханъ обезпокоился, доложилъ о немъ королю, проводилъ въ комнату и самъ остался у дверей.

— Всемилостивый король!—сказалъ о. Суховильскъ, входя.— Я пришелъ къ вамъ съ печальною вѣстью. Одинъ изъ преступниковъ, коихъ Варга, проникшись раскаяніемъ, признался во всемъ...

При этомъ онъ взглянулъ на Кохана, который стоялъ блѣдный съ гордо поднятой головой.

— Онъ выдалъ Пшедбора и Пакослава Задоровъ,—продолжалъ ксендзъ,— и бросилъ тѣнь на Раву, котораго какъ будто видѣлъ совѣтующимся съ ними. Отсюда происходитъ подозрѣніе и на васъ, милостивый король, и епискомъ рѣшилъ предать васъ анаемѣ и отлучить отъ церкви... Теперь ужъ его ничто не удержитъ...

Король выслушалъ его довольно спокойно, стоя у стола полураздѣтымъ, такъ какъ собирался ужъ лечь спать. Онъ, мелькомъ взглянулъ на Раву, который стоялъ у дверей.

— Было бы гораздо лучше, если-бъ обрядъ проклятiя не засталъ васъ въ Краковѣ. Поѣзжайте въ Познань или въ Гнизно, къ моему дѣдушкѣ.

— Сегодня?... Завтра?.. коротко спросилъ король.

— Завтра утромъ.

— Вы со мной?

— Хорошо.

Коханъ молчалъ; Казиміръ обратился къ нему.

— Прикажи тотчасъ готовиться въ дорогу.

Это была уловка короля, чтобы удалить любимца.

По уходѣ Равы, король задумался.

— По пословицѣ: „Господи, избавь меня отъ друзей, а отъ враговъ я самъ избавлюсь“, — наконецъ сказалъ король. — Коханъ, какъ я подозреваю, сдѣлалъ это изъ любви ко мнѣ, и теперь я долженъ нести новое бремя на своихъ плечахъ...

Король вздохнулъ, а затѣмъ прибавилъ болѣе ласково:

— Вы знаете, что я не кровожаденъ, а только презираю тѣхъ, кто становится на моемъ пути и хочетъ вредить... Я не сдѣлалъ даже намека относительно этого преступленія и... безусловно не виноватъ въ немъ... Неужели же я долженъ казнить того человѣка, котораго люблю, которому довѣряю и который вѣренъ мнѣ, какъ собака!..

— Во всякомъ случаѣ, вы не станете держать его при себѣ, — возразилъ о. Суховильскъ. — Иначе васъ станутъ обвинять въ сообщничествѣ.

Король гордо взглянулъ, но промолчалъ.

Вскорѣ ксендзъ ушелъ. Король остался въ ожиданіи возвращенія Кохана, который не замедлилъ явиться; онъ упалъ къ его ногамъ.

— Простите, государь! — воскликнулъ онъ взволнованно: — я оказалъ скверную услугу и не достоинъ быть слугой! Признаюсь... я совершилъ преступленіе... и Задоры исполнили мое порученіе... Но не гоните меня отъ себя... ибо безъ васъ моя жизнь ничего не стоитъ...

Король положилъ свою руку на его плечо.

— Я буду каяться, — продолжалъ Коханъ, — и исполню эпитимію, какую на меня наложить; только не гоните прочь, Да, я убійца, но этотъ человѣкъ былъ предупрежденъ, онъ посягнулъ на васъ... и за это получилъ должное.

Коханъ замолчалъ, ожидая приговора.

— Завтра — въ Познань! — отозвался король своимъ обыкновеннымъ голосомъ, по которому видно было, что онъ не желаетъ о томъ говорить.

Благодаря этому, Коханъ убѣдился, что король не прогнать его, поцѣловалъ его колѣни и поднялся. Лицо его сіяло отъ радости. Больше не было сказано ни слова о Барычкѣ.

Вся ночь прошла въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Король

бралъ съ собою большую часть двора, охотничью команду, хотя таковая была въ Познани, много слугъ, лошадей и воевъ съ различными вещами и большой отрядъ рыцарей.

А въ то же время на епископскомъ дворѣ готовились къ другому торжеству. Епископъ, при полномъ сомнѣніи духовенства, рѣшилъ предать короля анаемѣ, которая, по его мнѣнію отлучала короля отъ церкви и народа и заставляла покориться духовной власти.

Епископъ Бозаитъ, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мученичества своего любимца, теперь уже не хотѣлъ откладывать рѣшеннаго имъ дѣла и никому не позволялъ уговаривать себя, хотя нѣкоторые каноники и представляли ему, насколько опасенъ такой шагъ какъ лично для него, такъ и для церкви.

Преданіе анаемѣ короля, которое епископъ рѣшилъ произвести собственными устами, было назначено на третій день, какъ будто онъ нарочно давалъ королю время опомниться и покориться. Онъ готовъ былъ даже на уступки, но ставилъ чрезвычайно тяжелыя и унижительныя для короля условія... Онъ отлично зналъ, что дѣлается на Вавелѣ, такъ какъ имѣлъ тамъ своихъ шпионовъ, которые доносили ему обо всемъ.

Въ то утро, когда король уѣзжалъ по сонному городу со всѣмъ дворомъ въ Познань, ему ужъ донесли, что Казиміръ выбылъ изъ замка, окруженный многочисленной свитой и рыцарями. Сообщившій ему о томъ капелланъ прибавилъ, что Коханъ Рава не только не былъ удаленъ отъ двора, а напротивъ — ѣхалъ рядомъ съ королемъ, какъ самый близкій ему человѣкъ.

Это былъ новый вызовъ и новое пренебреженіе епископомъ и его угрозами, и онъ еще больше разсердился.

— А! если такъ, — воскликнулъ Бозаитъ, вставая съ постели, — то пусть исполнится воля Божья и королевское желаніе!.. Посмотримъ, кто въ Римѣ сильнѣе: король, архіепископъ или я!

На слѣдующій день утромъ народъ, узнавъ, что епископъ будетъ проклинать короля за утопленнаго Барычку, запрудилъ всѣ улицы, направляясь къ церкви. Епископъ, окруженный своими сановниками, приближенными и духовенствомъ, торжественно выѣхалъ изъ своего дома и прибылъ въ соборъ на Вавелѣ. Церковь была переполнена народомъ, но въ ней не было

ни одного ни изъ придворныхъ, ни изъ королевскихъ сановниковъ. Даже оставшаяся челядь поспряталась по своимъ конурамъ и на дворахъ было совсѣмъ пусто, точно тамъ всѣ по-вымерли. Замковыя ворота и калитки были заперты, задвинуты толстыми засовами и при нихъ даже не стояло обыкновенной стражи. Только Неорза, Оттонъ Щекаржевицкій, Пшонка, Янина и люди противнаго лагеря пришли въ церковь послушать и посмотреть на ужаснѣйшій обрядъ проклятiя и отлученiя отъ церкви, бросанiе и ломанiе свѣчей.

Наконецъ свершилось: анаѣма произнесена и церковная дверь заперта. Епископъ уѣхалъ домой. Ему казалось, что послѣ этого проклятiя въ Краковѣ прекратится всякая жизнь, раздадутся плачь, вопль и стоны и люди посыплютъ свои головы пепломъ, въ знакъ отрѣшенiя отъ церкви за грѣхи короля.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказалось другое: жизнь потекла своей колесей и никакихъ перемѣнъ не произошло. Такимъ образомъ оказалось, что это была не борьба между церковью и свѣтской властью, а простой споръ епископа съ королемъ, или, точнѣе, Бозаита съ Казиміромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ считали это недоразумѣніе между ними.

IV.

Хлысты.

Прошло три года послѣ описанныхъ событiй.

Въ домѣ, принадлежавшемъ Кубѣ Свиная Голова, а въ данное время, послѣ его смерти и смерти его жены Агаты,—его дочери Варварѣ и ея мужу Фрицу Матертеръ, много вещей измѣнилось къ худшему.

Когда-то домъ этотъ служилъ центромъ всякаго веселья, гнѣздомъ всякихъ достатковъ и любимымъ мѣстомъ тѣхъ, которые любили повеселиться, провести вечеръ въ обществѣ, потанцовать, послушать музыку и разныхъ каламбуровъ мѣстныхъ шутовъ. Двери этого дома были для всѣхъ открыты. Жизнь, преисполненная разныхъ приключенiй прекрасной Баськи, которая рассчитывала забрать въ руки своего мужа и царство—

вать надъ нимъ и надъ всѣмъ домою по своему усмотрѣнію, какъ-то неожиданно измѣнилась, да и она сама сдѣлалась другою. Будучи дѣвушкой, она была очень вѣтренна и легкомысленна, а потому казалось, что, выйдя замужъ, она должна была, само собою, сдѣлаться болѣе серьезною и успокоиться. Однако она не думала о томъ и хотѣла вести свою жизнь свободно; но тутъ-то и явился камень преткновенія въ лицѣ Фрица, который началъ оппидывать ей крылышки. При жизни ея родителей, ихъ недоразумѣнія еще кое-какъ улаживались; молодые супруги хоть ссорились, очевидно, не любя другъ друга, но все же жили, а далѣе все пошло иначе. Фрицъ же нился ради денегъ, а Баська выходила ради того, что онъ былъ красивъ, чтобы показать людямъ, какого она подцѣпила себѣ мужа. Вскорѣ оказалось, что этотъ мужъ вовсе не думалъ исполнять ея прихотей, что у него была сильная воля и что онъ былъ далеко умнѣ своей жены. Прежде, чѣмъ открыто взбунтоваться противъ нея, онъ такъ ловко перевелъ на себя все женино имущество, дома и деньги, что она оказалась въ полной зависимости отъ него, а отнюдь не онъ отъ нея. Кромѣ того, красивый Фрицъ, несмотря на то, что онъ самъ былъ ловеласомъ и имѣлъ на сторонѣ хорошенькихъ женщинъ, оставшихся еще отъ холостой жизни, ничуть не позволялъ ей скалить свои бѣлые зубки съ мужчинами.

Какъ-то вскорѣ, послѣ смерти ея родителей, нѣкто Сренява, старый другъ и пріятель Варвары, пріѣхалъ въ Краковъ и хотѣлъ, по обыкновенію, остановиться у нихъ, но Фрицъ, очевидно, зная прошлое своей жены, всталъ, какъ говорится, на дыбы. Упершись руками въ бока, онъ сталъ у воротъ и наотрѣзъ отказался впустить красиваго господина на свой дворъ. Баська, стоя у окна, выходила изъ себя и говорила, что этотъ домъ ей принадлежитъ, что она можетъ распоряжаться имъ какъ угодно и пускать въ него старыхъ друзей, временно пріѣхавшихъ въ Краковъ, но Фрицъ шутя заявилъ, что онъ здѣсь господинъ и хозяинъ.

Сренява, послушавъ нѣкоторое время ихъ споръ, вынужденъ былъ плюнуть и уѣхать на постоянный дворъ.

Послѣ этого между супругами начались постоянныя ссоры. Фрицъ былъ всегда веселъ и, шутя, высказывалъ ей правду,

отъ которой она плакала и бранила его послѣдними словами. Но онъ этимъ нестѣснялся и шелъ прямо къ намѣченной имъ заранѣе цѣли съ извѣстнымъ ему расчетомъ.

— Бабу, — говорилъ онъ, — всегда надо держать на привязи.

Но «баба» вовсе не хотѣла быть на привязи и изъ-за этого происходила ежедневная война, изъ которой она всегда выходила побѣжденной. Благодаря этому, ей опротивѣла жизнь и свѣтъ, а въ то же время она какъ-то внезапно начала увядать, дѣлаться противной и быстро блекнуть. Прежде всего ея волосы начали падать, а вмѣстѣ съ ними вывалились и зубы, бѣлое лицо пожелтѣло, и чѣмъ больше она штукатурилась, тѣмъ больше кожа темнѣла, морщилась и она дѣлалась некрасивой. Ея глаза погасли и сама она похудѣла. Ее начали избѣгать, тѣмъ болѣе, что Фрицъ былъ далеко не гостепріименъ. Онъ не любилъ, чтобы у него каждый день играли музыканты и происходили танцы; онъ гналъ шутовъ колѣнкомъ вонъ, а передъ лѣнтяями ставилъ порожніе кубки и кувшины.

Такимъ образомъ, Варвара, въ просторѣчій — Баська, оставалась совсѣмъ одинокой; дѣтей, которые могли бы уладить жизнь, совсѣмъ не было, и она плакала по цѣлымъ днямъ, а эти слезы только возмущали Фрица, и онъ нерѣдко примѣнялъ къ ней пословицу о постоянно скачущей козѣ. Въ свою очередь, эта пословица возмущала ее, и она плакала вдвойнѣ...

Но Фрицъ былъ точно каменный: онъ не позволялъ ничего себѣ сказать, ходилъ въ городъ, весело проводилъ время, былъ ко всему равнодушенъ и царствовалъ въ томъ домѣ, въ который вошелъ пришельцемъ.

Поэтому неудивительно, что Бася, ища напрасно какого-либо утѣшенія, нашла его въ молитвѣ и благочестіи. Она казалась какъ Магдалина и всѣ свои дорогія цвѣтныя платья перемѣнила на черныя и сѣрыя, какія носили монахини-тераціарки. У нея была масса собственныхъ драгоценностей, на которыя Фрицъ точилъ свои зубы; но она, на зло ему, частью раздала въ церкви, частью продала и деньги пожертвовала на монастыри, а частью оставила у себя и украшала ими ризы, которыя сама шила и отдавала отцамъ доминиканцамъ. Вѣроятно тоже на зло своему мужу, она стала дружить съ ними и приглашать ихъ къ себѣ на домъ, а такъ какъ мужъ ничего

не могъ сказать духовенству, не подвергая себя его критикѣ и не навлекая излишнихъ наставленій, то ихъ всегда было по нѣсколько человекъ, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ...

Это была ея единственная побѣда надъ мужемъ, а разъ избравъ себѣ поле битвы и занявъ сильную позицію, она разбивала его на всѣхъ пунктахъ и онъ терялъ свою силу.

Собственно говоря, онъ уходилъ изъ дому, а этимъ самымъ отдавалъ его въ ея полное распоряженіе. Теперь ужъ не онъ читалъ ей нравоученія, а она сама и, кромѣ того, такъ сумѣла поставить своихъ деминиканцевъ по отношенію къ мужу, что послѣдніе хотъ и говорили съ нимъ о самыхъ обыденныхъ дѣлахъ, но всегда чрезвычайно допекали его.

Такимъ образомъ, благодаря ея ханжеству, Фрицу жизнь опротивѣла, и онъ началъ падать духомъ, между тѣмъ какъ ей жилось, при соблюденіи такого режима, не только сносно, но даже хорошо. Прежде всего, она убѣдилась, что черное платье ей къ лицу и что при этомъ цвѣтъ она выглядитъ почти также красиво, какъ и прежде; затѣмъ, что люди принимали ея обращеніе на путь истины за чистую монету, преклонялись предъ ея благочестіемъ, считали чуть не святой и защищали ее передъ мужемъ... Все это было ей на руку.

Она лежала каждый день въ церкви крестомъ въ продолженіе хотя одной обѣдни, остальные отстаивала на колѣняхъ. Она бичевалась до крови, носила власяницу и поясъ, который вивался въ ея тѣло. Такое религіозное уничиженіе приводило ее въ состояніе какого-то опьяненія и бѣшенства, заканчивавшагося слезами, а иногда страннымъ истерическимъ смѣхомъ. Никогда и ни у кого покаяніе за грѣхи не было такъ явнымъ и очевиднымъ, какъ у нея. Она исповѣдовалась передъ всѣми, билась кулакомъ въ грудь и рассказывала о своемъ прошломъ такіа вещи, которыхъ никто не зналъ.

Домъ Матертеровъ принялъ совсѣмъ другой видъ, и все, что было въ немъ дорогаго и драгоцѣннаго, было продано или пожертвовано на церкви и монастыри. Вмѣсто тканей, украшавшихъ стѣны, висѣли религіозныя эмблемы, образа и изображенія. У всѣхъ дверей висѣли кропильницы съ святой водою и въ каждой комнатѣ находилось Распятіе, а въ спальнѣ стоялъ налой съ подколѣнникомъ, набитымъ гвоздями, на ко-

торый она становилась и ранила колѣни; вездѣ лежали явныя орудія пытки, разныя плетки съ наконечниками, пояса съ гвоздями и проч. вещи для истязанія грѣшнаго тѣла.

Смотря на все это, Фрицу тошно жилось, и онъ поневолѣ уходилъ изъ дому и проводилъ все время за какимъ-либо дѣломъ или у знакомыхъ, а не то—и въ корчмахъ.

Но во всемъ этомъ покаяніи было больше чудачества, чѣмъ искренняго сокрушенія; а главное — желаніе отличиться.

Однако такое страстное самопожертвованіе въ концѣ концовъ сильно повліяло на ея душевное состояніе, и что вначалѣ можно было считать простымъ чудачествомъ, то теперь превратилось въ фанатическую потребность покаянія.

Нужно замѣтить, что въ послѣдніе три года не одна Варвара Матертеръ поддалась вѣянію времени, которое какъ будто призывало къ покаянію. Въ сосѣднихъ съ Польшей странахъ религіозное движеніе и фанатическая экзальтированность замѣчались у многихъ. Всякія бѣдствія, благодаря которымъ кладбища заваливались тысячами труповъ, голодъ, моръ, наводненія и повѣтрія, которые какъ будто угрожали измѣнить весь ходъ въ природѣ и стереть съ лица земли все человѣчество, — считались дѣйствительно божескимъ наказаніемъ, ниспосланнымъ за грѣхи и какъ бы служившимъ предостереженіемъ народу, чтобы онъ каялся и молился.

Хотя въ Польшѣ преданіе короля анаемъ и не произвело особеннаго впечатлѣнія, какого ожидалъ епископъ, и должно быть слухъ о томъ не распространился дальше краковской епархіи, — но все-таки это обезпокоило многихъ. Церкви стояли запертыми и въ нихъ не совершалось ни литургій и никакихъ другихъ религіозныхъ обрядностей. Люди тревожились, боясь Божескаго наказанія за отсутствіе молебствій. Всѣ обвиняли короля въ убійствѣ; духовенство тоже не щадило его и предсказывало новый моръ, голодъ, нашествіе саранчи и язычниковъ на страну.

Правда, король дѣлалъ нѣкоторые примирительные шаги черезъ посредство гнѣзненскаго архіепископа, но епископъ Бозаитъ требовалъ большаго, чѣмъ могъ предложить король, а потому споръ между ними продолжался.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, правовѣрные христіане

должны были страдать за грѣхи короля; молебствія совершались только тайно, по необходимости и по особому на то каждый разъ разрѣшенію, а исполненіе какой-либо требы духовной приходилось вымаливать, какъ особенной милости.

Такое состояніе дѣлъ продолжалось довольно долго и разбѣръ ихъ въ Римѣ, поддерживаемый обѣими сторонами, не могъ скоро окончиться, ибо обѣ были правы и обѣ виноваты. Наконецъ королю это надоѣло, и онъ ужъ соглашался купить примиреніе извѣстными жертвами, но этимъ споромъ пользовались злые люди и затрудняли соглашеніе. Конечно, значительная часть духовенства другихъ епархій не оставляла короля и совершала молебствія и всѣ требы, но гдѣ только король встрѣчался съ епископскою властью, тамъ его отталкивали, какъ преданнаго анаѣмѣ и отлученнаго отъ церкви. Архіепископъ и ксендзъ Суховильскіе усердно старались примирить, но епископъ Бозаитъ, чувствуя свое преимущество, становился съ каждымъ днемъ требовательнѣе.

Поэтому легко понять, что такое натянутое отношеніе между властью имущими много содѣйствовало религіозному фанатизму. Молчащіе колокола, замкнутыя церковныя двери, погребеніе умершихъ безъ пѣнія и церковныхъ обрядностей, совершеніе богослуженій тайнымъ образомъ въ домашнихъ каплицахъ и отказъ въ крещеніи младенцевъ или вѣчаніи брачующихся—все это посѣвало тревогу и страхъ за будущее.

Недавно прекратившійся моръ еще никѣмъ не былъ забытъ и могъ вернуться, такъ какъ ходили ужъ слухи, что моръ возобновился во многихъ мѣстахъ. Всѣ опять забеспокоились и паника начала увеличиваться чуть ли не съ каждой минутой. Одной изъ распространительницъ этихъ слуховъ была Баська, которая предаказывала въ своемъ религіозномъ экстазѣ о поголовномъ бѣдствіи. Увлекалась своимъ фанатизмомъ, она самоотверженно являлась въ дома и говорила о предстоящихъ бѣдствіяхъ, о которыхъ знала по внушенію свыше.

Однажды она ворвалась въ замокъ, сначала къ Кохану, потомъ къ королю, одѣтая въ терціарскую рясу съ четками и крестомъ въ рукахъ, на шумѣла тамъ и накричала, упрекая всѣхъ въ какихъ-то преступленіяхъ, за которыя они должны немедленно принести свое раскаяніе, поститься и молиться.

Король молча выслушалъ ея напоминаніе и омрачился, а Боханъ долгое время ходилъ опечаленный и удвоилъ свои пожертвованія на церкви, которыя дѣлалъ по смерти о. Барычки.

Какъ-то вечеромъ въ домѣ Матертера, который по обыкновенію отсутствовалъ, хозяйка принимала своихъ постоянныхъ гостей. За столомъ сидѣлъ доминиканскій пріоръ, отецъ Оома, монахъ того же ордена Иринеи и младшій изъ викаріевъ церкви Пресвятой Богородицы Маріи, отецъ Павелъ. Всѣ трое были очень набожные и благочестивые люди. Хозяйка, соблюдавшая строгіе посты и бывшая суровой по отношенію къ самой себѣ, была очень снисходительной къ ксендзамъ и всегда старалась получше угостить ихъ; а потому на столѣ подавались разныя сытныя блюда, напитки и лакомства. Сама Баська услуживала имъ, не сядя за столъ, и подавала воду для умовенія рукъ и полотенца — для вытиранія.

Отецъ Павелъ, высокій и худой мужчина, съ продолговатымъ лицомъ, вымывъ и вытеревъ костлявыя руки, протянулъ одну изъ нихъ къ отцу Оомѣ и произнесъ:

— Вы слышали, отецъ, что-либо о хлыстахъ?

Отецъ Оома, съдой и тяжеловѣсный, съ круглымъ лицомъ и довольно веселымъ выраженіемъ на немъ, вытиралъ съ него потъ, такъ какъ это было вначалѣ лѣта и стояла жаркая погода. Онъ взглянулъ съ удивленіемъ на говорившаго и спросилъ:

— О какихъ хлыстахъ?

— О бичующихся людяхъ, о которыхъ ужъ говорятъ по всему свѣту... Носятся слухи, что они ужъ появились на границахъ нашихъ владѣній и, ходя по городамъ, увлекаютъ за собою толпы народа... Только въ Краковѣ еще ихъ нѣтъ.

Ксендзъ Иринеи, блѣдный, худой и кашляющій, съ быстро бѣгающими глазами, доказывающими недюжинный умъ, сомнительно покачалъ головою, какъ бы выражая этимъ свое недовѣріе. Хозяйка, держа въ рукахъ тазъ и полотенце, хотѣла ужъ отойти, но услышавъ это, остановилась и взглянула съ мольбою на о. Павла.

— Бичующіеся?—спросила она.

— Да, это кающіеся люди, которые ходятъ по свѣту и призываютъ другихъ къ покаянію. бичуясь или хлеща другъ друга.

Всѣ умолкли на минуту.

— Таковое явленіе среди народа,—продолжалъ онъ задумчиво,—имѣть большое значеніе. Переполнилась чаша преступленій и каждый чувствуетъ время измѣнить свою жизнь. Господь вдохновляетъ малыхъ, убогихъ и бѣдныхъ, избирая ихъ, какъ апостоловъ, изъ среды народа. Онихъ разсказываютъ чудеса.

Баська поставила въ сторону тазъ и кувшинъ и бросила полотенце, а затѣмъ сложила руки и подошла къ о. Павлу.

— Разскажите! разскажите!—воскликнула она.—У меня сердце дрогнуло... Это, очевидно, перстъ Божій! Публичное раскаяніе... добровольное хлестаніе себя плетью... нужда, голодъ... Очевидно, новое общество... новые апостолы... новый орденъ...

— Никакого намъ новаго ордена, ни апостоловъ не нужно!—воскликнулъ онъ, нахмурясь.—Всю правду и ученіе намъ преподалъ Самъ Христосъ, а только мы туго воспринимаемъ Его ученіе и не исполняемъ завѣта.

Пріоръ и о. Иринея молча подтвердили его слова.

— Гдѣ-же они? Откуда идутъ и гдѣ искать этихъ святыхъ людей?—воскликнула хозяйка, наступая на о. Павла.

Въ это время о. Иринея произнесъ своимъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ:

— Погодите, погодите! Пусть раньше церковь разсмотритъ и убѣдится, нѣтъ-ли въ этой набожности какой-либо ереси.

Баська изумилась.

— Какая-же можетъ быть ересь въ добровольномъ покаяніи?—спросила она.—Чѣмъ строже покаяніе, тѣмъ милѣе Богу.

— Мнѣ кажется, это—темное дѣло,—возразилъ онъ,—барабаня пальцами по столу.—Пока разслѣдуется, что это за секта, не мѣшаетъ принять мѣры предосторожности, чтобы вмѣсто служенія Богу не попасть въ дьявольскія руки!

При этомъ онъ грозно поднялъ палецъ и хозяйка замолчала: но видно было, что ее снѣдало любопытство.

Между тѣмъ о. Павелъ сѣлъ къ столу. Очевидно онъ, сжался надъ бѣдной женщиной и заговорилъ:

— Вы спрашиваете, гдѣ народилась эта...

— Секта,—подсказалъ о. Иринея.

— Секта или общество—кто ихъ знаетъ, но слухи о ней распространились сразу и изъ Венгріи, и изъ Италіи, и изъ Франціи... Толпы ихъ пробѣгаютъ по сосѣднимъ странамъ и

уже пришли къ намъ. Нѣкоторые изъ духовенства открываютъ имъ двери церквей, а нѣкоторые подозрѣваютъ...

— Въ чемъ?—спросила хозяйка.

— Въ сектантствѣ!—отозвался о. Иринеи. — Именно, нашему ордену поручено наблюдать за всякою ересью, которая, какъ ржавчина, разѣдаетъ и разрушаетъ слабые умы... Инквизиторы оповѣстятъ насъ объ этомъ.

Измученный жаркимъ вечеромъ пріоръ все еще вытиралъ потъ и, продолжая пыхтѣть, наконецъ тихо отозвался:

— Да... да... все надо разобрать, ибо дьяволъ не дремлетъ! Хозяйка слушала его съ большимъ вниманіемъ.

— Простите меня, убогую умомъ,—сказала она. — Но, скажите, пожалуйста, какой вредъ можетъ быть отъ суроваго покаянія?

— Объ этомъ пришлось бы мнѣ долго говорить, — отвѣтилъ о. Иринеи, съ улыбкой на устахъ. — А я тебѣ одно скажу, благочестивая душа: гдѣ нѣтъ священника-руководителя, какъ пастыря, тамъ люди легко могутъ впасть въ заблужденіе. А среди этихъ хлыстовъ что-то о священникахъ ничего не слышно, а ими руководятъ какіе-то нерукоположенные самозванцы... Какъ мужчины, такъ и женщины разнаго возраста ходятъ и живутъ вмѣстѣ... гмъ... гмъ! и потому мнѣ кажется, что это далеко не чистое и благочестивое дѣло...

Хозяйка призадумалась на минуту и потомъ сказала:

— Простите меня, великую грѣшницу, недостойную милостей Господнихъ и многого не понимающую!.. Но мнѣ кажется, что это публичное покаяніе, эта жизнь и кровь, проливаемая на путяхъ беззаконія,—прекрасны, пріятны и милы...

Пріоръ нахмурился.

— И ты сама готова пристать къ нимъ!—досказалъ онъ. Баська вскочила съ своего сидѣнья.

— Да! да!—воскликнула она. —Пусть только явятся, и я брошу все и примкну къ нимъ!.. Я не выдержу!..

Монахи переглянулись между собою.

— А у насъ ужъ есть гдѣ-либо эти бичующіеся? — продолжала допытываться Баська.

Отецъ Иринеи разсмѣялся.

— Успокойся, благочестивая душа, — сказалъ онъ съ насмѣшкой. — Они не пройдутъ мимо Кракова.

— Дай Богъ!—вздрыгнула Бася.

Разговаривая такъ, пріоръ замѣтилъ, что кушанье стынетъ и что ужъ пора приняться за ужинъ. Хозяйка приблизила къ гостямъ мясныя блюда и начала наливать своими худыми ручками вино въ кубки.

Отецъ Павелъ, переглянувшись съ товарищами, заговорилъ о другихъ вещахъ; но хозяйка хоть и слушала его съ уваженіемъ, но думала о другомъ. Она была задумчива, разсѣяна и машинально прислуживала своимъ гостямъ: очевидно, хлысты не выходили у нея изъ головы.

Однажды, среди лѣтняго дня, въ преданномъ анаѳемъ Краковѣ, произошло чрезвычайное движеніе. Народъ заволновался во всѣхъ частяхъ города, точно его кто поджегъ однимъ своимъ словомъ. Люди, по неизвѣстной причинѣ, выбѣгали изъ домовъ, выглядывали въ окна, выходили за ворота, стремились не извѣстно куда и возвращались встревоженные назадъ. Нѣкоторые указывали пальцами вдаль; другіе, пошептавшись съ встрѣчными прохожими, убѣгали домой и запирали ворота. Любопытство и тревога ясно выражались на всѣхъ лицахъ.

Передъ костеломъ доминиканцевъ стояли въ плащахъ два монаха: пріоръ Тома и о. Ириней, которые колебались: идти ли имъ, или остаться на мѣстѣ...

— Да зачѣмъ намъ спѣшить или выходить имъ навстрѣчу? —сказалъ о. Ириней. — Это такое грѣховное дѣло, отъ котораго нужно отрешиваться и скорѣе избавиться, какъ изъ города, такъ и изъ всего края. Хотя нашему брату Райнеру и приписываютъ, что онъ первый призывалъ народъ къ покаянію и создалъ этихъ бичующихся людей, но я не вѣрю тому, чтобы сынъ апостола Тома основалъ такихъ еретиковъ...

Пріоръ проворчалъ что-то и безпокойно оглянулся.

— Райнеръ — не Райнеръ, — произнесъ онъ вздыхая, какъ будто ему было очень непріятно, — но все это одна глупость.

— Несомнѣнно, это жестокое наказаніе, — возразилъ о. Ириней, — но вѣдь и то будетъ не менѣе жестокимъ, если разростется новая ересь... Они хотятъ создать себѣ новую вѣру! Но—кто? Какіе-то безумцы!.. Кажется, прошло ужъ три года,

какъ святой отецъ сталъ порицать и проклялъ всякія секты. Только мы недавно еще узнали о томъ, но епископъ навѣрное зналъ, а только молчалъ.

— Ну, имъ здѣсь недолго придется быть, — замѣтилъ пріоръ.

— Они и сами нигдѣ не остаются болѣе сутокъ.

— Все-таки пойдемъ посмотрѣть на этихъ чудаковъ, — сказалъ пріоръ, вздыхая. — Вчера говорили, что они подходятъ къ городу и вѣрно ужъ должны быть здѣсь... на рынкѣ.

— Пожалуй, пойдемъ, — согласился о. Иринея. — Но не мѣшаетъ зайти въ какой-либо домъ и оттуда посмотрѣть на нихъ, чтобъ потомъ не сказали на насъ, что это вседѣло доминиканцевъ.

— Зайдемъ къ Вѣржинку, тамъ насъ примутъ. Кстати, въ его домѣ много оконъ.

Говоря это, они пошли медленными шагами по направленію къ рынку. Улицы были переполнены любопытнымъ народомъ, на лицахъ котораго выражалось не только безпокойство, но и какое-то неопредѣленное чувство, которое является въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, сверхъестественнаго.

Вся эта многотысячная толпа, собравшаяся на рынкѣ и у церкви Святой Дѣвы Маріи, имѣла испуганный видъ. Всѣ сосредоточивали свое вниманіе на той улицѣ, откуда ожидалось прибытіе хлыстовъ. Среди людей царствовала могильная тишина, нарушаемая только изрѣдка тихимъ шопотомъ. Не только улицы и тротуары были переполнены народомъ, но даже окна и крыши.

День былъ знойный, воздухъ душный; но хмурымъ небесамъ надвигались темныя тучи, чрезъ которыя хотя и проглядывало по временамъ ясное солнышко, но оно немилосердно жгло, какъ это бываетъ передъ грозой. Пріоръ и о. Иринея едва могли протиснуться среди толпы до каменнаго дома Вѣржинка, и только благодаря ихъ духовнымъ рясамъ народъ тѣснился и уступалъ имъ дорогу. Послѣ того какъ они проходили, народъ опять собирался, чтобъ занять лучшія мѣста, которыя оттаивали ихъ молча стоявшіе впереди. Толстый пріоръ, измученный своей прогулкой среди густой толпы, поднималъ свои отяжелѣвшія вѣки на окна каменнаго дома, къ которому они подходили; но всѣ окна были переполнены народомъ и, несмотря на свой духовный санъ, они были вынуждены искать на улицѣ болѣе удобнаго для себя мѣстечка. На крыльцѣ и въ сѣняхъ

этого дома стояли между мѣщанами рыцари и придворные, среди которыхъ видны были королевскіе слуги. Стоявшіе на улицѣ шептались между собою высказывая свои предположенія, что вѣрно король здѣсь и что онъ прошелъ по заднему ходу. И въ самомъ дѣлѣ, стоило только посмотрѣть на окна переднихъ комнатъ Врѣжинка, какъ тотчасъ можно было замѣтить, что изъ-за полуопущенной занавѣси выглядывали лица королевскаго двора, хотя среди нихъ не было видно самого короля; но каждый инстинктивно чувствовалъ, что онъ здѣсь, а только стоитъ за драпировкой, чтобы не быть замѣченнымъ народомъ. Отъ времени до времени изъ-за занавѣси показывалась бѣлая рука, и тогда видѣвшіе ее шептали, толкая другъ дружку въ бока:— король!

— Тамъ, за тою занавѣсью,—шептали сторонники епископа,—стоятъ злодѣи, пришедшіе смотрѣть, какъ люди будутъ каяться за ихъ грѣхи... Но имъ хоть бы что!

Хотя епископъ еще не сдѣлалъ рѣшительнаго шага противъ хлыстовъ, но рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы скорѣе прогнать ихъ изъ Кракова. Изъ всего того, что было извѣстно въ епархіальномъ домѣ относительно бичующихся, шедшихъ изъ Пруссіи и Венгріи, можно было судить, что духовенство порицаетъ ихъ какъ само по себѣ, такъ и въ силу полученной имъ буллы папы Клементія. Ихъ уже прогнали изъ Швабіи и Страсбурга и духовенство старалось нацугать чернь.

Однако духовенство не рѣшалось принимать противъ нихъ крутыя мѣры. Хлысты ужъ проходили по Польшѣ, и никто ихъ не преслѣдовалъ, кромѣ церквей, въ которыхъ говорились проповѣди, да и то когда они уходили въ другой городъ и не кого было преслѣдовать.

Неподалеку отъ дома, въ которомъ находился король и въ который хотѣли войти два доминиканца, на тротуарѣ стояла въ первомъ ряду женщина съ горѣвшими глазами, подвижная, беспокойная и не могущая стоять на мѣстѣ. Это была Варвара Матертеръ. На сей разъ она одѣлась въ монашескую ряку, подпоясалась веревкой и подвѣсила къ поясу крупныя деревянныя четки, заканчивавшіяся крестомъ. Она была не одна, а съ своей свитой, въ видѣ всякихъ бабъ-нищенокъ, убогихъ и калѣкъ, такихъ же ханжей, какъ она, которыхъ

она прикармливала и обдаливала и которые охотно шли за ней. Вся эта толпа, отдѣлившись отъ общей, обращала на себя вниманіе, и никто посторонній къ ней не приставалъ. Нѣкоторые изъ народа указывали на нее пальцами и довольно громко дѣлали замѣчанія на ее счетъ.

— Смотрите, смотрите!—говорили они.—Она похожа скорѣе на безумную, чѣмъ на кающуюся грѣшницу...

Въ этотъ моментъ въ толпѣ со стороны Гродзкой улицы сдѣлался сильный натискъ, и едва народъ дрогнулъ и подался въ одномъ концѣ, какъ цѣля волна увлекла всѣхъ и приперла къ стѣнамъ, къ воротамъ и заборамъ, потомъ отхлынула и опять приперла. Раздалось нѣсколько криковъ въ разныхъ мѣстахъ и народъ заколебался какъ волны, вздуваемые вѣтромъ.

— Идутъ! идутъ! идутъ!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Любопытные поднимались на пальцахъ, чтобы взглянуть черезъ головы другихъ.

Вдали слышалось не то унылое пѣніе, не то протяжные, подавленные въ себѣ, стоны, которые больно отзывались въ сердцахъ и которые какъ будто были проникнуты жалобой и слезами. Но еще ничего не было видно, кромѣ красной хоругви развивавшейся на длинномъ шестѣ надъ головами народа. Собственно говоря, она не имѣла вида церковной хоругви, а просто была вылинявшей тряпкой, на красномъ фонѣ которой было что-то намалевано, но что именно—никто не могъ разобрать. Дальше за нею несли маленькія траурныя хоругви, съ нашитыми на нихъ бѣлыми адамовыми головами и орудіями мученій Христа.

Кортежъ кающихся двигался очень медленно вслѣдствіе сильной тѣсноты, пока наконецъ толпа не раздалась на двое и не очистила дорогу. Впереди отряда фанатиковъ шелъ мужчина атлетическаго сложенія, обнаженный до пояса, съ головой, покрытой капюшономъ кофейнаго цвѣта. Онъ шелъ медленными шагами и немилосердно стегалъ себя плеткой въ четыре ремня съ желѣзными наконечниками по израненной и истекающей кровью спинѣ. Эта безликая фигура, бичевавшая себя въ тактъ монотонной пѣсни, была настолько ужасна, что люди, очутившіеся вблизи нея, пятались назадъ изъ опасенія, чтобы она не стегнула ихъ. За этимъ человѣкомъ шелъ другой, точно также

обнаженный и съ закрытой головой, босой, съ плетью въ одной рукѣ и сверткомъ пергамента — въ другой, тѣло котораго было также исполосовано, какъ и перваго. За симъ послѣднимъ шли, по два въ рядъ, мужчины и женщины, почти всѣ съ закрытыми капюшонами головами. Только у нѣкоторыхъ были полуоткрыты лица, но всѣ полуобнаженные и хлеставшіе себя плетками подъ звуки какой-то пѣсни, которая, по мотиву, была похожа на псаломъ, поющейся въ Великую пятницу, но несогласные голоса, смѣшанные со стономъ, плачемъ, шлепаньемъ плетокъ по плечамъ и спинѣ, и шелестъ хоругвей, развѣвавшихся отъ вѣтра, не гармонично звучали и казались какимъ-то дикимъ, непріятнымъ завываньемъ звѣрей.

Кромѣ того, въ этомъ странномъ шествіи не было видно ничего покаяннаго, какъ бы пристало людямъ, сокрушающимся о своихъ и чужихъ грѣхахъ. Многие изъ нихъ метались и вертѣлись какъ безумные или оглашенные, махали руками, прыгали, корчились, ежились и подрыгивали ногами, точно въ судорогахъ отъ страшной боли. Изъ-подъ полуоткрытыхъ капюшоновъ у нѣкоторыхъ виднѣлись насмѣшливыя лица, доказывавшія особенную разнузданность, наглость и опьяненіе... Женщины взвизгивали и грозили сжатыми кулаками; мужчины, нарочно качались въ разные стороны къ народу, который съ крикомъ пятился назадъ, давя другъ друга...

Вскорѣ и среди любопытныхъ раздались голоса; нѣсколько оборванцевъ, сдирая съ себя лохмотья, начали проталкиваться между народомъ и присоединяться къ хлыстамъ.

Въ толпѣ бичующихся можно было насчитать больше двухсотъ человекъ разнаго возраста и пола. Хотя у большинства лица были закрыты, но по тѣламъ можно было узнать возрастъ, полъ и происхожденіе. Начиная съ сгорбленныхъ старцевъ съ костлявыми плечами, сморщенной кожей, вздувшимися и налитыми кровью жилами, до бѣлыхъ женскихъ плечъ съ молодыми грудями, а также подростковъ, шедшихъ въ безпорядкѣ, бичевавшихъ себя и другъ друга, — никто не могъ устоять на своемъ мѣстѣ и метался какъ оглашенный. Нѣкоторыя изъ молодыхъ женщинъ были черезчуръ обнажены, точно онѣ хотѣли похвастаться какъ формами своего упругаго тѣла, такъ и кровью на своихъ спинахъ.

При медленномъ движеніи бичующагося отряда происходили, кромѣ того, самыя неожиданныя и возмутительныя сдѣны. Идущіе въ концѣ него брали съ лотковъ и ларей все, что попадало имъ подъ руку; нѣкоторые рыкали точно звѣри, чтобъ напугать дѣтей; иные хватали женщинъ за платье и тащили ихъ въ свою толпу...

Наконецъ вождь остановился въ серединѣ рынка; вокругъ него стали хоругвеносцы съ своими хоругвями. Человѣкъ, шедшій съ пергаментнымъ сверткомъ, откинулъ на спину свой капюшонъ, изъ-подъ котораго показалась бритая голова съ выпуклыми глазами, желтымъ лицомъ и ужасно широкимъ ртомъ.

По данному первымъ хлыстомъ знаку, онъ поднялъ свертокъ вверхъ, замахалъ имъ и громко крикнулъ:

— Внемли, благочестивый народъ, внемли!

Любопытные люди, толкая другъ друга, окружили его. Шумъ и гамъ прекратились; покаянная пѣсня мало-по-малу утихла и какъ бы замерла; многіе изъ бичующихся попадали на землю: одни на колѣни, другіе—лицомъ въ грязь, третьи—какъ будто лежась спать, ударяясь о камни.

По воцареніи тишины, державшій пергаментный свертокъ, развернулъ его, сталъ въ позу проповѣдника на амвонѣ и заговорилъ какимъ-то страннымъ, не то поющимъ, не то крикливымъ голосомъ, бросая вокругъ себя строгіе взгляды.

— Внемли, благочестивый народъ, внемлите, правовѣрные христіане! Мы пришли къ вамъ съ добрыми вѣстями, какъ нѣкогда ходили апостолы, и проповѣдуемъ новое Евангеліе! Міръ долженъ былъ погибнуть, быть уничтоженнымъ огнемъ и моромъ за грѣхи наши тяжкіе!.. Но Пресвятая Мать Богородица и всѣ святые, видя разгнѣваннаго Христа и приготовленную Имъ кару, пришли къ Нему, пали на колѣни и молили о милосердіи... Они молили и проливали слезы три дня и три noci, пока, наконецъ, умолили Его... Смиловался Христосъ, внявъ ихъ моленью, и послалъ своего ангела съ письмомъ въ церковь св. Петра въ Іерусалимъ...

Говоря это, онъ потрясалъ пергаментнымъ листомъ надъ головою и подносилъ его къ глазамъ, какъ будто читая по немъ.

— Внемлите, что сказано въ письмѣ: „Я есмь яко жизнь и смерть, царь и судія, творецъ и искипитель, законодатель

и блжститель правды... истину глаголю вамъ: кайтесь во грѣсѣхъ вашихъ; смывайте ихъ постомъ и кровью, которая, соединясь съ моею, послужитъ омовеніемъ вашихъ проступковъ и преступленій, вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и прегрѣшеній. Оставьте дома ваши и семьи, дѣтей и родителей, мужей и женъ, отрекитесь отъ всякаго имущества, возьмите плети въ ваши десницы и грядите повѣдать людямъ правду о покаяніи по большимъ дорогамъ, по городамъ, селамъ, усадьбамъ и всюду, гдѣ есть люди, пребывающіе во грѣхахъ... И такъ, бичуйте тѣла ваши плетями, дневно и ночью, тридесять и четыре года, поелику я жилъ межъ вами столько лѣтъ... Не живите и не входите подъ кровлю людей и не оставайтесь на мѣстѣхъ отдыха больше дня на каждомъ... И свершится: буде кто изъ васъ исповѣдуются передъ другимъ, тому простятся грѣхи, ибо всѣ вы будете помазаны Моею кровью на священство, и что вы учините и разрѣшите на землѣ, то будетъ учинено и разрѣшено въ небеси“...

Дочитывая или досказывая эти слова, кающійся умолкъ, искося посмотрѣвъ на окружающихъ, среди которыхъ были и духовныя лица; но въ это время въ народѣ послышался тихій, но отчетливый ропотъ и возмущеніе. Поднялся шумъ, который не давъ возможности продолжить чтеніе, и вскорѣ послѣ этого предводитель затулилъ покаянную пѣсню; лежавшіе на землѣ вскочили и заворили ему, дѣлая движеніе идти; но вождь и самъ еще не зналъ, куда вести толпу.

Въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ духовенство выходило къ нимъ на встрѣчу съ хоругвями и вводило въ церкви; но здѣсь, въ Краковѣ, было сдѣлано своевременное распоряженіе запереть всѣ церковныя двери, ибо духовенство не хотѣло принимать участія въ распространеніи секты.

Вождь бичующихся понималъ, что онъ имѣетъ дѣло съ предупрежденнымъ и мало вѣрующимъ въ его секту народомъ, а потому рѣшилъ держать ухо востро, ибо не многіе дурачки увлекались іерусалимской грамотой, принесенной туда, якобы, ангеломъ отъ Спасителя... Вождь и читавшій посланіе переглянулись и сдѣлали знакъ толпѣ, среди которой было еще нѣсколько предводителей. Тотчасъ поднялись ихъ плети, заставившіе вскочить лежавшихъ на землѣ, стать рядами на колѣни и запѣть жалобный покаянный псаломъ. Хлестаніе плетками и

пѣніе привели въ себя бичующихся, которые сдѣлались со-
всѣмъ иными и, хлеща, себя все съ большимъ азартомъ, возвы-
шали голоса и приходили въ изступленіе. Казалось, что кро-
вавое бичеваніе, рвущее кусками тѣло, доставляло имъ вели-
чайшее наслажденіе. Но чего не сдѣлало проповѣдываніе новаго
евангелія, то достиглось бичеваніемъ. Увлеченіе хлыстовъ пере-
ходило на народъ, который началъ стремиться къ нимъ... Раз-
дались новые крики и стоны. Пришедшіе на рынокъ съ воз-
мущеніемъ и недовѣріемъ теперь стали креститься, плакать и
молиться... Однако, что придавало имъ силы и терпѣніе при
наносимыхъ ударахъ? Кто дѣлалъ то, что боль эта была для
нихъ желанной и благословенной? Даже духовныя лица, нахо-
дившіяся въ народѣ испытывали такое чувство и отворачива-
лись отъ бичующихся, боясь поддаться искушенію. Пѣнье,
сначала хрипыми, усталыми и унылыми голосами, все уси-
ливалось и сливалось въ стройную гармонію, которая пронизы-
вала сердце, и женщины падали отъ спазматическихъ рыданій.
Многотысячная толпа испугалась такого покаянія, но затѣмъ
стала колебаться, не пристать ли и ей къ новому ученію.

Въ моментъ такого душевнаго возбужденія, прежде всего,
одинъ клерикъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, проникшись духомъ
хлыстовъ, выбѣжалъ изъ толпы и, срывая съ себя одежду, какъ
безумный, бросился на колѣни передъ предводителемъ бичующей-
ся арміи. Человѣкъ съ пергаментнымъ сверткомъ помогъ ему
сорвать одежду, которая повисла лохмотьями, и подалъ ему
собственную плетъ. Клерикъ съ ожесточеніемъ хлестнулъ себя
по бѣлымъ плечамъ, которые моментально залились кровью.

При видѣ этого истязанія, народъ возропталъ и завопилъ
глухимъ голосомъ. Но за первымъ ударомъ послѣдовало много
другихъ и новокающійся поднималъ побѣдоносно свою голову и
съ блаженнымъ восхищеніемъ запѣлъ общую покаянную пѣсню.

Его примѣръ оказался заразительнымъ и какъ будто послу-
жилъ для всѣхъ сигналомъ. Люди посыпались со всѣхъ сторонъ.

Басья, порывавшаяся нѣсколько разъ, стояла, смотрѣла и
плакала. Наконецъ и ее какъ будто кто толкнулъ и она пры-
нула впередъ, неся плетъ въ одной рукѣ, а другою обнажая
себя отъ ясы, которая была сшита мѣшкомъ и разорванная
у шеи упала съ плечъ, на которыхъ виднѣлись слѣды преж-

ного домашняго бичеванія, стегнула себя по старымъ ранамъ и обагрилась кровью.

— Баська! Баська! — зашумѣли въ толпѣ.

Ея мужъ Фрицъ, мало заботившійся о ней, движимый какимъ-то стыдомъ или тревогой, бросился за нею, чтобы остановить ее, но было ужъ поздно: толпа затерла его.

Когда все это происходило, король, дѣйствительно стоявшій въ окнахъ каменнаго дома Вѣржинка, окруженный лицами его двора, смотрѣлъ изъ-за драпировки на истязаніе фанатиковъ. Ему не совѣтовали смотрѣть на такое зрѣлище, которое могло опечалить его. Въ особенности Коханъ возставалъ противъ этого, стараясь болѣе развлечь его, чѣмъ допустить любоваться видомъ того, что могло раздражить и привести въ печальное состояніе. Но король настоялъ на своемъ, и Коханъ рѣшился сопровождать его, пригласивъ для той же цѣли недавняго любимца короля, недюжиннаго человѣка, который былъ въ мило-стяхъ у него и, несмотря на монашескую рясу, являлся лучшимъ лѣкаремъ въ черныя минуты королевской грусти и печали.

Это былъ отецъ Янъ, настоятель Тынецкаго монастыря, который, несмотря на занимаемый имъ постъ игумена бенедиктинскаго ордена и на уставъ, который долженъ былъ соблюдать, былъ больше свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ монахомъ.

Происходя изъ не особенно богатой фамиліи краковскихъ вельможъ, о. Янъ, въ надеждѣ возвыситься чрезъ посредство своихъ вліятельныхъ родственниковъ, имѣвшихъ большія связи, избралъ себѣ духовное поприще. Будучи въ началѣ свѣтскимъ ксендзомъ, онъ отправился въ Болонію и Римъ для полученія академическаго образованія, и тамъ пріобрѣлъ ту итальянскую легкомысленность относительно религіозности, которая служила доказательствомъ высшей полировки, знанія свѣта и его испорченности, которой рѣдко придерживалось современное мѣстное духовенство въ Польшѣ.

Онъ вовсе не былъ созданъ для духовнаго лица. Первое время своей молодости онъ провелъ, какъ и всѣ дѣти землевладѣльцевъ, на конѣ, готовясь быть рыцаремъ, на охотѣ и въ веселомъ обществѣ своихъ сверстниковъ и товарищей. Его умъ, смысленность, понятливость, способность и всякія другія качества навели на мысль его богатыхъ и вліятельныхъ покров-

вителей и опекуновъ внушить ему быть священникомъ. Но ни духовная ряса, ни монашескій уставъ не измѣнили его страстной натуры. Оставшись бенедиктинцемъ и сдѣлавшись дигуменомъ, онъ все-таки остался чѣмъ былъ, а именно—землевладельцемъ, помѣщикамъ по крови и плоти, и, вдобавокъ, итальянскимъ cortegi, то есть дамскимъ угодникомъ, предпочитающимъ придворное общество, охоту, забавы, пиры, музыку и пѣнье всѣмъ духовнымъ требамъ и кормленію надъ книгами. Будучи красивой, представительной наружности, молодымъ, сильнымъ, здоровымъ и веселымъ, онъ могъ быть душою каждаго общества, часто ѣздилъ на охоту и путешествовалъ.

Отецъ Янъ жилъ въ Тынецѣ по-барски; а такъ какъ эту жизнь онъ дѣлилъ съ другими монахами и смотрѣлъ на все, что дѣлалось въ монастырѣ, сквозь пальцы, то онъ былъ любимъ всѣми и все ему сходило съ рукъ безнаказанно. Всегда веселый, съ улыбкой на устахъ, въ франтовскомъ, хоть и духовномъ, костюмѣ, великолѣпный ѣздокъ, неутомимый охотникъ и остроумный балагуръ, онъ совсѣмъ забывалъ въ обществѣ, что у него есть духовныя обязанности. У него былъ чуть не княжескій дворъ и его приемы въ Тынецѣ всегда отличались и славились гостеприимствомъ.

Король Казиміръ, для котораго было пріятно общество европейски-воспитанныхъ и знакомыхъ съ западными обычаями людей, очень полюбилъ съ первой встрѣчи тынецкаго настоятеля и подружился съ нимъ.

Снисходительность о. Яна ко всѣмъ королевскимъ слабостямъ и чрезвычайное благоволеніе къ его замысламъ въ благоустройствѣ страны на европейскій ладъ дѣлали о. Яна весьма симпатичнымъ для монарха.

Въ спорѣ съ епископомъ краковскимъ онъ, разумѣется, былъ на сторонѣ короля и серьезно содѣйствовалъ ему вырваться изъ-подъ суроваго интердикта. Отецъ Янъ не обращалъ вниманія на проклятіе, служилъ обѣдни, справлялъ всякія требы и остроумно пронизировалъ надъ анаемой.

Такимъ образомъ у короля было четыре самыхъ приближенныхъ къ нему челоуѣка. Тамъ, гдѣ дѣло касалось какихъ-либо законовъ, реформъ и учреждений, то у него былъ ксендзъ Суховильскъ, которому онъ безусловно вѣрилъ; если нужно было

завести порядокъ въ величинскихъ соляныхъ копахъ, въ городѣ или торговлѣ, то этимъ завѣдовалъ Вѣржинокъ; въ любовныхъ дѣлахъ—былъ Коханъ, а для обыкновенныхъ развлеченій, бесѣды, охоты и устройства рыцарскихъ забавъ—настоятель тынецкаго монастыря.

Отъ послѣдняго у него не было тайнъ, и никто больше такъ не соболѣзновалъ надъ его несчастнымъ супружествомъ съ Аделаидой Гессенской, какъ настоятель, который готовъ былъ считать этотъ бракъ незаконнымъ, по извѣстнымъ каноническимъ правиламъ, и подлежащимъ расторженію. А когда король печаловался при немъ относительно бездѣтности, то отецъ Янъ совѣтовалъ заключить новый брачный союзъ при живой женѣ, доказывая, что въ Римѣ можно будетъ развязать тотъ узелъ, который былъ неправильно завязанъ, благодаря его оплошности.

Словомъ, онъ былъ снисходительнѣе всѣхъ для Казимира, и никто такъ легко не могъ убѣждать его, какъ о. Янъ, что его враги были не правы. Многие говорили, что епископъ Бозаитъ нѣсколько разъ жаловался на тынецкаго настоятеля въ Римъ, но о. Янъ, предупреждаемый о томъ друзьями, посылалъ туда подарки и всегда оправдывался.

Когда король Казимиръ настоялъ на томъ что онъ пойдетъ посмотрѣть на хлыстовъ, Коханъ немедленно послалъ за настоятелемъ, рассчитывая, что тотъ, хотя бы король и впалъ въ непріятное для всѣхъ настроеніе, сумѣетъ развеселить его.

Отецъ Янъ зналъ о бичующихся и отзывался о нихъ съ большой насмѣшкой, говоря, что они бичуются по цѣлымъ днямъ только для того, чтобы по ночамъ совершать самыя возмутительныя оргіи.

Кромѣ настоятеля, Кохана и другихъ, въ свитѣ короля были и два Задоры, Пшедборъ и Пакославъ, возвратившіеся ко двору послѣ временнаго отсутствія по убійствѣ Барычки. Эти два послушныя орудія въ рукахъ Кохана отбывали наказаніе за свое безстыдное снисхожденіе къ своему любимцу, ибо Рава, большую часть вины въ преступленіи сваливъ на нихъ, и только благодаря особенному благоволенію короля они были возвращены ко двору. Однако несчастные молодые люди, рѣшившіеся такъ безрасудно уступить настоятельнымъ наговорамъ Кохана совершить преступленіе, были преслѣдуемы теперь какъ

людьми, такъ и собственною совѣстью. Будучи набожными, какъ и большинство людей того времени, они ѣздили по разнымъ церквамъ и монастырямъ, съ цѣлію достигнуть своимъ раскаяніемъ и пожертвованіями церковнаго разрѣшенія отъ грѣха, но ни одинъ изъ священниковъ не рѣшился удостоить ихъ пріятія Св. Тайнъ. Всѣ совѣтовали обратиться въ Римъ или отрѣшиться отъ міра и надѣть монашескія рясы... Поэтому Задоры оказались самыми несчастными людьми и должны были строго наблюдать за тѣмъ, чтобы не попасть въ руки епископа и не быть посаженными въ тюрьму, которою онъ грозилъ, а при его вспыльчивости легко было попасть и на висѣлицу. Примѣры такого наказанія духовною властью въ Польшѣ были нерѣдки.

Въ свитѣ короля присоединился и хозяинъ дома Вѣржинокъ. Однако, въ этой группѣ кающіеся производили различное впечатлѣніе на каждого. Король смотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ и беспокойствомъ, вѣроятно не умѣя объяснить себѣ того душевнаго состоянія, которое порождало такое самопожертвованіе: онъ хмурился, сводилъ брови и вздыхалъ. Настоятель возмущался, пожималъ плечами и ропталъ на то, что такимъ бродягамъ позволяютъ безнаказанно ходить по свѣту. Вѣржинокъ ничего не говорилъ, но видно было, что этому спокойному купцу и смышленному хозяину было очень непріятно такое нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка.

Король вздрогнулъ и придвинулся ближе къ окну, когда увидѣлъ Баську, побѣжавшую съ крикомъ къ бичующимся и обнажавшую свои израненныя уже плечи. Коханъ взглянулъ на Казимира и наклонился къ его уху.

— Не удивительно, — шепнулъ онъ съ ироніей, — она всегда была безумной!

Всѣ другіе изъ черной бѣдноты, бросившіеся по ея примѣру въ толпу хлыстовъ, вызвали ироническое замѣчаніе настоятеля:

— Ну, этимъ-то хорошо будетъ жить у бичующихся, — сказалъ онъ, — за нѣсколько ударовъ по спинѣ, они будутъ имѣть всего вдоволь, потому что глухой народъ кормить и поить ихъ, какъ на убой. По крайней мѣрѣ имъ не придется ходить изъ дому въ домъ за подаваніемъ. Въ тому же, въ этой толпѣ не мало молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ...

Но король, казалось, не раздвляя этого мѣня и промолчалъ, а только сдѣлался еще печальнѣе.

Въ этотъ моментъ онъ обратилъ вниманіе на странный шумъ, произшедшій сзади него. Двое Задоровъ, оба блѣдные и дрожащіе, взглянули другъ на друга, а затѣмъ Пакославъ схватилъ Пшедбора за руку, и они моментально убѣжали изъ комнаты, такъ что Коханъ не успѣлъ даже вымолвить слова. Онъ понялъ, что они задумали и, предвидѣлъ, какое впечатлѣніе произведетъ это на короля.

Казиміръ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, а чрезъ минуту увидѣлъ, какъ они, быстро направляясь къ бичующимся, снимали съ себя придворную одежду. Оба брата подошли къ предводителю и стали на колѣни. Имъ дали плети и они начали бичеваться.

Король отошелъ отъ окна, во избѣжаніе непріятнаго для него зрѣлища. Настоятель монастыря послѣдовалъ за нимъ.

— Лучше бы епископъ употребилъ свою власть надъ этими негодяями и не допускалъ морочить людей, чѣмъ вмѣшиваться въ не касающіяся его дѣла, — сказалъ онъ, слѣдуя за королемъ.

Пока происходили всѣ эти возмутительныя сцены публичнаго покаянія на громадной площади рынка, ужъ стало вечерѣть, солнце закатилось и на землю спускались сумерки. Бичующіеся остались на рынкѣ, который, мало по малу, началъ пустѣть. Покаянныя пѣсни и бичеваніе прекратилось; обезсиленная ватага бродягъ расположилась на землѣ для ночевки. Всѣ городскіе, присоединившіеся къ пришельцамъ, остались съ ними и старались побрататься. Но ихъ встрѣтили дикими взглядами, непонятными насмѣшками и проклятіями. Кромѣ предводителей и начальниковъ отряда, никто ихъ знать не хотѣлъ.

Послѣ неистоваго шума, гама и метанія по площади, настало глухое молчаніе и отдыхъ. Добродѣтельные мѣщане сѣвши на кормить голодныхъ, принося имъ хлѣбъ, горячую похлебку и напитки въ кувшинахъ и горшкахъ.

Король ушелъ, погруженный въ задумчивость и весьма грустный. Коханъ склонилъ настоятеля не оставлять его и постараться развлечь. Такое душевное состояніе короля всегда требовало какого-либо развлечения или серьезнаго занятія государственными дѣлами, при которыхъ онъ забывалъ обо всемъ.

Въ виду того, что кзендза Суховилька въ настоящую минуту не было въ Краковѣ, то оставалась одна надежда на настоятеля.

Однако, несмотря на всю способность о. Яна, король весь вечеръ былъ разсѣянъ и едва отвѣчалъ. Видъ публично кающейся бывшей красавицы Баси и двухъ Задоровъ, такъ внезапно оставившихъ его дворъ, какъ равно и всѣхъ бичующихся, привели его въ какое-то оцѣпенѣніе. Коханъ, всегда слѣдившій за каждымъ его движеніемъ, тотчасъ замѣтилъ, что король вздрогнулъ, увидѣвъ закапишоненнаго предводителя бичующейся толпы, который должно быть кого то напомнилъ ему, да и самъ Коханъ, взглянувъ на вождя, что-то заподозрилъ, но не могъ припомнить, на кого былъ похожъ этотъ человѣкъ.

При епископскомъ дворѣ всѣ съ презрѣніемъ относились къ хлыстамъ, и епископъ Бозантъ сказалъ, что если они осмѣлятся появиться въ Краковѣ, то онъ велитъ своимъ слугамъ разогнать толпу, а предводителей арестуетъ и посадить въ тюрьму. Но въ послѣдніе дни, когда хлысты приближались къ Кракову и къ епископу начали доходить вѣсти о численности ихъ и о томъ впечатлѣніи, какое они производили на народъ, — пришлось призадуматься, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ городахъ, когда ихъ хотѣли разогнать, доходило до кровопролитной битвы, потому что народъ заступался за нихъ.

Наконецъ, когда они явились въ Краковѣ и отцы доминиканцы, пріоръ и о. Иринеи, будучи свидѣтелями того, что происходило на рыночной площади, донесли о нихъ, епископъ вышелъ изъ себя и хотѣлъ ужъ послать людей разогнать ватагу. Но тутъ о. Иринеи, цѣлуя его руку, запротестовалъ.

— Отецъ владыка! — сказалъ онъ, — вы лучше знаете, что дѣлать, но народъ, хотя темный, но благочестивый, сильно возбужденъ и взволнованъ... На него слѣдуетъ обратить вниманіе... Плакали даже тѣ, кто не хотѣлъ плакать... Мнѣ кажется не слѣдуетъ легкомысленно бросаться на этихъ бродягъ, которыя, подъ предлогомъ религіознаго усердія, чинятъ нѣчто необыкновенное. Очевидно, въ нихъ сидитъ какая то невѣдомая сила, хорошая или злая того не знаю, но, по моему, надо дать остынуть народному сочувствію и увлеченію: сами разойдутся.

Но епископъ, съ присущей его характеру энергіей, и слушать не хотѣлъ такихъ совѣтовъ.

— Зачѣмъ мнѣ обращать на нихъ вниманіе? — возразилъ епископъ. — Вы сами говорите, что въ нихъ сидитъ какая то невѣдомая сила, а эта сила только и можетъ быть дьявольской, которая внушаетъ людямъ ересь... Въ такомъ случаѣ — прочь ихъ, чтобы они не размножали зло, за которое я, по совѣсти, долженъ отвѣчать. Ихъ мало разогнать, или прогнать. Если мы ихъ прогонимъ, то они пойдутъ дальше и понесутъ съ собою эту заразу. Нужно арестовать предводителей, посадить въ тюрьму и допросить; послѣ этого ихъ дикое стадо и само разбѣжится.

Изъ приходившаго къ епископу духовенства, большинство было одного мнѣнія съ нимъ, такъ какъ они слышали о разныхъ злоупотребленіяхъ и даже преступленіяхъ бичующихся, которые, проходя по странѣ, допускали себя до разбоевъ, грабежей, воровства и неуваженія чужой собственности и которые врывались въ хаты, брали все, что попадало подъ руку и насиловали тѣхъ, кто имъ сопротивлялся.

Многіе рассказывали, что кающіеся, находясь въ дорогѣ, когда ночь заставляла ихъ въ полѣ, ложились какъ скоты, вмѣстѣ съ женщинами и, послѣ бѣшеннѣйшей оргіи покаянія, предавались не менѣе бѣшенному разврату, а затѣмъ исповѣдывались другъ другу и взаимно разрѣшали грѣхи.

Хотя въ этихъ разсказахъ было много преувеличенія, но была половина правды, и епископъ не хотѣлъ ее ни терпѣть, ни тѣмъ болѣе давать ей время развиваться. Это былъ мятежъ противъ церкви и духовенства, которому бичующіеся не хотѣли подчиняться, въ виду чего епископъ, не слушая никакихъ совѣтовъ умѣренныхъ лицъ, приказалъ собраться своимъ людямъ, немедленно пойти на рынокъ и арестовать предводителя и начальниковъ бродячей ватаги.

Уже была ночь. На рыночной площади лежала дикая толпа. Хоругви, вбитыя древками въ землю, развивались надъ ложемъ предводителей и старшинъ. Правда, толпа значительно уменьшилась, но еще много любопытныхъ кружилось около хлыстовъ.

Именно, среди всеобщей тишины, которая теперь царствовала на площади, отрядъ епископскихъ людей медленно и тихо подвигался впередъ. Въ то же время по площади случайно проходилъ отрядъ королевскихъ солдатъ. Съ момента,

когда епископъ предалъ короля анаѳемѣ, между королевскими и епископскими людьми завязалась непримиримая вражда. Разумѣется, дѣло не доходило до кровавыхъ побоищъ, потому что они были запрещены, но ссоры и драки происходили.

Королевскіе солдаты, замѣтивъ прокрадывавшихся потихоньку епископскихъ слугъ, тотчасъ остановились и старшій сотникъ получилъ желательную возможность придратъ къ нимъ. Въ немъ проявилась жалость къ бичующимся.

— Смотрите, — сказалъ онъ своимъ, — вѣроятно епископъ послалъ ихъ арестовать несчастныхъ... Пожалуй, онъ посадитъ ихъ въ тюрьмы и станетъ тамъ мучить ихъ... Чѣмъ они провинились?.. Вѣдь это благочестивые люди, которые каются и молятся лучше, чѣмъ онъ, и когда онъ нѣжится на пуховикахъ, они валяются на голой землѣ, въ крови и грязи.

Солдаты переглянулись между собою, они не получили никакихъ приказаній, но были увѣрены, что ихъ не накажутъ за то, что они потреплютъ немного кутейниковъ, и они стали въ такомъ мѣстѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, немедленно явиться на помощь хлыстамъ.

Командующій епископскимъ отрядомъ уже окружилъ потихоньку бичующихся. Последніе, послѣ горячаго приѣма ихъ въ городъ, не ожидали нападенія и спокойно укладывались спать.

Вдругъ раздалась команда. Главный предводитель толпы и его товарищъ вскочили на ноги и скомандовали своимъ. Последніе побросались къ хоругвямъ, схватили свои плетки и палки и приготовились къ защитѣ.

Посторонніе люди, не видя кто нападаетъ на бичующихся, бросился защищать ихъ. Вслѣдствіе этого произошелъ еще большій шумъ и крики и среди рынка сдѣлался настоящий кавардакъ. Народъ повыбѣжалъ изъ домовъ съ фонарями и оружіемъ. Раздались стоны, вопли, крики, призывы на помощь.

Этого только и ожидали королевскіе солдаты. Они бросились на епископскихъ людей съ обнаженными мечами и начали ихъ бить и рубить. Солдаты отлично знали семинаристовъ и свободно отличали ихъ среди толпы. Народъ, подстрекаемый солдатами, тоже набросился на епископскихъ и завязался бой, которымъ воспользовались хлысты. Видя, что имъ не сдобровать, и боясь, чтобы ихъ не похватали, они быстро разсыпались въ

разныя стороны, вбѣгая въ дома, прячась у заборовъ и въ огородахъ... словомъ, гдѣ пришлось.

Такимъ образомъ нападеніе не удалось, и начальникъ епископскаго отряда успѣлъ только арестовать двухъ главныхъ, несмотря на ихъ отчаянное сопротивленіе, и увелъ ихъ подъ сильной охраной въ епископскій дворъ.

Между тѣмъ епископъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ результата экспедиціи и не ложился спать. Начальникъ отряда, едва успѣлъ войти на дворъ съ своими плѣнными и охраной, велѣлъ тотчасъ запереть ворота и поставить у нихъ стражу, изъ опасенія, чтобы королевскіе солдаты не ворвались туда и не лишили его арестованныхъ лицъ. Епископъ, узнавъ о нападеніи королевскихъ солдатъ на его челядь, вышелъ изъ себя и его гнѣвъ трудно описать: онъ побагровѣлъ, потомъ поси-нѣлъ, заломилъ руки и не могъ вымолвить ни одного слова. Начальникъ отряда Жуберъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ епископа относительно неудачи, описалъ ему схватку далеко ужаснѣйшею, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, сказавъ, конечно, о нападеніи на нихъ народа и издѣвательствѣ надъ его людьми королевскихъ солдатъ. По его рассказамъ вышло такъ, что онъ какимъ-то чудомъ успѣлъ арестовать предводителей, съ опасностью для своей жизни... Послѣ этого епископъ Бозайтъ сталъ ужъ беспокоиться не столько о бичующихся, сколько о нахальствѣ королевскихъ солдатъ, осмѣлившихся посягнуть на его людей. Это обстоятельство требовало мести!..

Епископъ, приказавъ сначала посадить преступниковъ въ темную, быстро раздумалъ и велѣлъ ихъ тотчасъ привести къ нему. Весь епископскій дворъ, слуги и челядь прибѣжали посмотреть на этихъ людей.

Мужчина-атлетъ въ капюшонѣ шелъ свободно со связанными руками, не оказывая никакого страха ни волненій. Съ него сорвали капюшонъ изъ-подъ котораго обнаружилась голова съ черными, коротко стриженными волосами и чертами лица, точно выточенными изъ кофейнаго дерева, кустистыми бровями и черными совиными глазами, которые занимали все мѣсто глазъ обширными вѣками. Выраженіе лица было гордое, а въ то же время на немъ видны были какая-то боль, задумчивость, нѣчто дикое и какъ бы окаменѣлое, какъ у звѣря, захваченнаго

враслохъ и обезсиленнаго. Ни владыка, ни духовенство не отняли у него храбрости, онъ не склонилъ ни головы, ни спины и какъ его толкнули, такъ онъ и стоялъ.

Шедшій рядомъ съ нимъ мужчина, читавшій на рынкѣ іерусалимскую грамоту изъ церкви св. Петра, дрожалъ и шатался, точно безумный; со лба катился потъ и губы кривились, какъ будто онъ собирался плакать.

Епископъ Бозаитъ началъ съ угрозъ; но черный вождь, опустивъ глаза долу, не хотѣлъ ни смотрѣть на него, ни слушать. Его товарищъ сталъ на колѣни, сложилъ на груди руки и зарыдалъ.

Бозаитъ назначилъ одного изъ духовныхъ допросить виновниковъ, а самъ сѣлъ съ двумя другими, въ качествѣ судей, за столъ.

— Кто ты? — спросилъ черновалосаго подошедшій священникъ.

Но спрошенный молчалъ, точно этотъ вопросъ не касался его или онъ былъ глухъ. Однако, ударенный однимъ изъ людей, стоявшихъ позади него, онъ гробовымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Грѣшникъ.

Онъ говорилъ по-польски, но съ какимъ-то акцентомъ.

— Откуда и какъ тебя завутъ?

— Я отрекся отъ своего имени, — помолчавъ, произнесъ кающійся, — и не помню, гдѣ родился...

— Кто тебя научилъ проповѣдывать новое ученіе народу?

— Какой-то человѣкъ божій, — такой-же кающійся, какъ и я, — не поднимая своихъ глазъ, отвѣтилъ хлыеть. — Онъ имѣлъ внушеніе свыше и сказалъ, что Господь требуетъ строгаго покаянія за грѣхи...

Судьи и духовенство переглянулись.

— Да развѣ тебѣ не извѣстно, — отозвался другой духовный, — что Господь поставилъ священниковъ для проповѣдыванія слова Божія и что ты, самовольно назвавшись духовникомъ и злоупотребивъ силой Его слова, совершаешь святотатство?

— Господь Самъ говоритъ съ человѣческими душами, не требуя никакихъ посредниковъ, — возразилъ черный вождь, — а кто не слушаетъ его голоса, тотъ преступникъ.

Послышался глухой ропотъ.

Епископъ сдѣлалъ знакъ оставить его въ покоѣ и обратить вопросы на смиренно стоящаго на колѣняхъ въ сокрушенной позѣ человѣка, съ бритой головой и въ слезахъ.

— Кто ты?—спросилъ ксендзь.

Но прежде чѣмъ тотъ отвѣтилъ, черный вождь грозно взглянулъ на него. Стоявшій на колѣняхъ, не столько боявшійся власти, сколько своего начальника, забормоталъ что-то непонятное, изъ чего, однако же, можно было узнать, что онъ былъ клерикомъ во Вроцлавѣ и назывался Адамомъ Сивекомъ.

У него потребовали пергаментъ, по которому онъ читалъ. Онъ вынулъ его изъ-за пазухи и немедленно передалъ ксендзу. Письмо было свѣже написаннымъ некрасивымъ почеркомъ, безграмотнымъ и нескладнымъ. Листъ передали епископу, который взглянулъ на него и бросилъ съ презрѣніемъ на полъ.

Ксендзь опять обратился къ черному, закоренѣлому предводителю хлыстовъ, но ничего не могъ изъ него выжать. Въ немъ виднѣнъ былъ человѣкъ, увлекшійся какой-то фантазіей, не боялся мученичества и былъ увѣренъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ хорошо. Онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на духовенство и едва удостоивалъ его отвѣтомъ, равнодушно ожидая рѣшенія своей участи, какая его могла встрѣтить.

За то Сивекъ говорилъ за двоихъ, падалъ лицомъ на земь, общался исправиться и дрожалъ какъ листъ. Епископъ приказалъ посадить ихъ обоихъ въ казематъ.

Между тѣмъ, королевскіе солдаты, вернувшись въ замокъ, рассказали тамъ, какъ они умно поступили на рынкѣ, воспользовавшись случаемъ проучить епископскихъ слугъ. Объ этомъ доложили Кохану, который въ свою очередь, охотно пользовался каждымъ случаемъ, ссорившимъ короля съ епископомъ, тотчасъ пошелъ къ Казимиру, сидѣвшему съ о. Яномъ и нѣкоторыми изъ сановниковъ за вечернимъ столомъ.

Среди веселаго разговора, прерываемаго иногда продолжительнымъ смѣхомъ, пришелъ Коханъ, который рассказалъ всѣмъ, какъ епископскіе люди напали на бичующихся и какъ ихъ поколотили королевскіе солдаты.

Правда, настоятель былъ самъ того мнѣнія, что епископъ долженъ былъ воспротивиться и прекратить публичный соблазнъ, но онъ стоялъ за короля, а тутъ вдругъ король оказалъ каю-

щимся сочувствіе и поэтому мнѣніе его измѣнилось. Дѣйствительно, Казиміръ выразилъ свое сочувствіе бичующимся и высказалъ свое возмущеніе относительно происшедшаго, а по тому живо воскликнулъ:

— Если кто либо-изъ кающихся придетъ въ замокъ искать убѣжища, то дать имъ пріютъ. Они безумцы и къ тому же бѣдные, а потому тѣмъ больше заслуживаютъ снисхожденія.

Настоятель молча кивнулъ головою.

Что касается ночного переполоха, то о немъ рассказывали особенныя вещи. Варвара Матертеръ, рѣшившаяся идти въ свѣтъ съ бичующимися, вернулась домой заплаканная, окровавленная и ободранная и теперь лежала больная въ постели. Фрицъ, боявшійся, чтобы она не ускользнула изъ его рукъ, прежде чѣмъ онъ овладѣетъ на законномъ основаніи остальнымъ ея имуществомъ, заперъ ее въ комнатѣ и караулилъ.

Кающіеся, собранные съ разныхъ странъ свѣта и вчера торжественно входившіе въ Браковъ, почти всѣ поразбредились маленькими группами по окрестностямъ. Лишившись хоругвей и предводителей, они не знали что дѣлать. Деревенское духовенство, которому было запрещено отпирать для нихъ церкви и выходить съ крестнымъ ходомъ навстрѣчу, навѣрное тоже стало бы преслѣдовать ихъ, а потому они предпочли по-прятаться.

Двое Задоровъ, добровольно присоединившихся къ бичующимся, тайно пришли въ замокъ, но оба ужъ не хотѣли вернуться къ прежней жизни и оба пошли къ францисканцамъ просить принять ихъ въ число монаховъ ихъ ордена.

Послѣ вчерашняго неистовства, городъ постепенно началъ приходить въ себя, но въ головѣ каждого остались воспоминанія тѣхъ минутъ, которыя призывали къ раскаянію. Съ утра церкви, которыя епископъ позволилъ открыть, были переполнены народомъ, который плакалъ, исповѣдался и каялся...

Но Коханъ не думалъ о покаяніи. Напротивъ, ему хотѣлось досадить епископу и вырвать изъ его рукъ арестованныхъ предводителей. Въ городѣ, между прочимъ, говорили, что епископъ хочетъ очень строго наказать ихъ, чтобы отбить у другихъ охоту распространять ересь. Въ виду этого, можно было полагать, что онъ казнитъ ихъ. Духовная власть этого времени

была сильна и часто пользовалась своими преимуществами. Тѣмъ не менѣе оно не могло поступать круто безъ соблюденія известныхъ формальностей, которыя должны были отнять нѣсколько дней, прежде чѣмъ произнести рѣшительный приговоръ.

У Бохана были свои друзья при епископскомъ дворѣ, какъ у епископа—при королевскомъ. Поэтому обѣ стороны слѣдили другъ за другомъ, доносили и поддерживали ссору.

Епископскій казематъ находился неподалеку отъ его дома; за нимъ слѣдили довольно строго, но въ него рѣдко сажали такихъ преступниковъ, за которыми нуженъ бы былъ особенный досмотръ или специальный караулъ. Зданіе было деревянное, выходившее задней стѣной на улицу, подъ которую легко было подкопаться.

Король и настоятель уѣхали на охоту. Боханъ остался дома. Къ сожалѣнію, у него теперь не было такихъ ловкихъ и послушныхъ людей, какъ братья Задоры; но зато у него были королевскія деньги, которыхъ онъ не думалъ жалѣть и, благодаря Вѣржинку, нашелъ способныхъ людей для исполненія задуманнаго.

Послѣ перваго допроса, хлыстовъ оставили на цѣлыя сутки въ тюрьмѣ, впредь до сбора судей. Только къ вечеру слѣдующаго дня клерикъ Сивекъ выпросился и вымолился, обѣщая полное признаніе, и его отдали на поруки судебному писарю, и черный вождь остался одинъ въ казематѣ.

На третій день послѣ утренней обѣдни, къ епископу пришелъ озабоченный капелланъ. Бозаить серьезно взглянулъ на него и наконецъ сказалъ:

— Надо покончить съ предводителями хлыстовъ, пока еще все не остыло. Въ ереси легко убѣдить, нужно только прочесть публично приговоръ.

— Къ сожалѣнію, его не надъ кѣмъ будетъ исполнить,—прервалъ его капелланъ, качая головой.

— Какъ?—воскликнулъ епископъ.—Вѣдь два главныхъ предводителя въ нашихъ рукахъ!

— Были да сплыли...

Епископъ изумился.

— Сегодняшней ночью,—продолжалъ капелланъ,—главный предводитель подкопался подъ стѣну тюрьмы и бѣжалъ, а кле-

рикъ, отданный вчера судебному писарю, пошелъ только напиться воды да и самъ канулъ, какъ камень въ воду.

Епископъ ужасно разсердился и велѣлъ позвать тѣхъ, кто долженъ былъ смотрѣть за ними; ихъ допросили и разсѣдовали. Оказалось, что здѣсь не обошлось безъ посторонней помощи: выкопанная яма не могла быть дѣломъ одной ночи и одного человѣка; кромѣ того, выкопанная земля доказывала, что подкопъ былъ сдѣланъ не изнутри, а снаружи.

Но кто это могъ сдѣлать? Братья-ли хлысты, скрывшіеся въ Краковѣ, или кто другой? Кто осмѣлился дать пріютъ бѣжавшему клерiku?.. И епископъ хотѣлъ проклясть соучастниковъ въ распространеніи ереси, вмѣстѣ съ ересіархами.

Между тѣмъ Коханъ и не думалъ скрывать того, что онъ пріютилъ въ замкѣ двухъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ епископской тюрьмы, и когда король вернулся съ охоты, то онъ смѣло и съ веселымъ лицомъ явился къ нему и доложилъ, что онъ, согласно его приказанію, далъ пріютъ въ замкѣ двумъ кающимся хлыстамъ.

Король одобрилъ его дѣйствія кивкомъ головы.

Какъ только вѣсть о томъ распространилась по городу, услужливые люди тотчасъ оповѣстили епископа. Можно себѣ представить, съ какимъ гнѣвомъ онъ выслушалъ это извѣстіе!.. Но онъ утѣшился тѣмъ, что у него явилось новое тяжкое обвиненіе короля въ покровительствѣ ересіархамъ, которое онъ рѣшилъ послать въ Римъ.

Теперь Кохану оставалось только избавиться отъ нежеланныхъ гостей, чтобы они опять не попали въ руки епископа и уходили, куда имъ заблагоразсудится. Самъ онъ еще не видалъ ихъ въ лицо. Черному предводителю дали комнату при людской, а клерiku—въ другомъ помѣщеніи, такъ какъ онъ боялся сидѣть съ своимъ начальникомъ.

Коханъ, войдя въ людскую, засталъ перваго уже одѣтымъ въ одежду, данную ему въ замкѣ, и въ капюшонѣ, закрывавшемъ его лицо. Посмотрѣвъ на него издали, онъ нашелъ сходство его фигуры съ какимъ-то знакомымъ ему человѣкомъ, хотя онъ и не видалъ его лица.

Незнакомецъ держалъ себя одинаково, какъ при допросѣ и въ тюрьмѣ, такъ и здѣсь, равнодушно относясь къ своей

судьбѣ. Коханъ спросилъ его, что теперь онъ намѣренъ дѣлать; но хлыстъ отвѣтилъ ему только однимъ пожатіемъ плечъ. Это не понравилось Равѣ, такъ какъ онъ не только не поблагодарилъ его за оказанную помощь, но даже не всталъ при его приходѣ. Закрытое лицо увеличивало его любопытство.

— Мы освободили васъ изъ епископскихъ рукъ, который навѣрное не пощадилъ бы ни тебя, ни твоего товарища, — сказалъ онъ, — и — кто знаетъ? — быть можетъ велѣлъ бы казнить... Мы спасли вамъ жизнь.

— Жизнь? — пробурчалъ кающійся. — А что она стоитъ? Все равно, надо когда-либо умирать...

Онъ сказалъ это съ ироніей, медленнымъ голосомъ; который показался Равѣ знакомымъ.

— Кто ты? — спросилъ онъ.

— Человѣкъ, а потому и долженъ умереть.

— Но если ты хотѣлъ каяться за грѣхи, то для этого нужна жизнь и все-таки она стоитъ чего нибудь... По крайней мѣрѣ у тебя осталось еще много времени впереди.

Вождь промолчалъ. Коханъ началъ выходить изъ терпѣнья.

— Куда теперь думаешь идти? — спросилъ онъ.

— Въ свѣтъ, искать такихъ же, какъ я, и призывать грѣшниковъ къ покаянію.

— Тебя опять могутъ схватить.

Незнакомецъ пожалъ плечами, а Коханъ, не добившись отъ него путнаго слова, обозлился, стукнулъ дверью и ушелъ.

Вечеромъ, когда король ложился въ постель, Коханъ рассказывалъ ему о своемъ свиданіи съ бичующимся и свой разговоръ съ нимъ.

Казиміръ выслушалъ его съ большимъ интересомъ.

— Что-же это за человѣкъ? — спросилъ онъ.

— Ни лица открыть, ни много говорить о себѣ, очевидно, онъ не желаетъ, — отвѣтилъ Коханъ, — но я увѣренъ, что гдѣ-то видѣлъ этого человѣка и слышалъ его голосъ.

Король задумался и, уже укладываясь спать, сказалъ Равѣ:

— Я долженъ видѣть этого человѣка.

— Не стоитъ, милостивый король! — запротестовалъ Коханъ: — это зрѣлище не для васъ... Оно не развеселитъ васъ. Все равно вы не заставите его говорить...

— Я не заставляю?

— Онъ дикій.

— Во всякомъ случаѣ, я хочу его видѣть.

Рава не смѣлъ прекословить и ушелъ, въ надеждѣ, что король забудетъ и онъ успѣетъ спровадить незнакомца. Но король дважды вспомнилъ о немъ и передъ вечеромъ велѣлъ проводить его къ этому человѣку.

Коханъ, боясь, чтобы кающійся не принялъ короля, какъ принялъ его, пошелъ его предупредить, что самъ король желаетъ видѣть его, но послѣдній даже не двинулся съ мѣста.

— Зачѣмъ? — спросилъ онъ. — Ни король мнѣ, ни я ему не нуженъ. Мой король въ небеси; а тотъ, который никогда не былъ моимъ, уничтожилъ мою семью, обезчестилъ сестру, убилъ отца и приговорилъ къ изгнанію мой родъ...

Говоря это, онъ снялъ капюшонъ и Коханъ остолбенѣлъ, узнавъ въ немъ Амадея, брата Клары, одинъ видъ котораго или встрѣча съ нимъ, всегда предвѣщали неблагополучіе.

Коханъ хотѣлъ тотчасъ пойти къ королю, чтобы не допустить его до встрѣчи съ нимъ, но Казиміръ угадъ былъ въ сѣняхъ.

— Милостивый король! — сказалъ онъ, загораживая королю дорогу, — вы не должны видѣться съ этимъ человѣкомъ!

Выраженіе лица Равы не только не испугало короля, а еще больше подстрекнуло любопытство.

— Пусти! — сказалъ онъ грозно.

Но Коханъ сталъ передъ нимъ на колѣни и схватилъ его за полу.

— Не пущу! — воскликнулъ онъ.

Однако Казиміръ вырвалъ полу изъ его рукъ и, смѣло подойдя къ двери комнаты, отперъ ее. Амадей сидѣлъ, опершись на руку и даже не приподнялъ головы. Казиміръ хлопнулъ его по плечу.

— Встань и говори, кто ты? Я хочу видѣть тебя...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Амадея, онъ выпрямился и снялъ капюшонъ. Король, узнавъ его, поблѣднѣлъ и отступилъ назадъ.

— А! это ты! — воскликнулъ онъ изумленно. — За чьи грѣхи каешься? — спросилъ онъ помолчавъ.

Амадей взглянул на него съ насмѣшкой.

— За чьи? — возразилъ онъ. — Быть можетъ, за твои!.. Своимъ покаяніемъ я молю Бога, чтобы Онъ прекратилъ пролитіе крови и освободилъ остатокъ моего рода отъ мести и наказанія. Чтобы не всѣ Амадеи были четвертованы, разрываемы на лошадиныхъ хвостахъ и кончали такимъ путемъ свою жизнь. Каюсь и за васъ, чтобы Господь простилъ ваши прегрѣшенія за то милосердіе, которое вы оказали намъ, давъ пріютъ въ вашей странѣ...

Король слушалъ взволнованно.

— Ты ужъ покаялся, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, помолчавъ. — Вернись...

— Куда? — спросилъ Амадей съ ироніей. — Туда, куда бы я хотѣлъ вернуться, въ мое отечество, меня ждутъ одни воспоминанія, позоръ, могила... а здѣсь — чужой край, къ которому я хотѣлъ прирости и сжиться съ нимъ, но не могъ... Душа моя рвалась въ другое мѣсто, но выходъ былъ запертъ. У меня здѣсь нѣтъ дома, да и имѣть его не хочу.

— Не желаешь ли чего отъ меня? — тихо спросилъ король.

— Только отпустите меня и больше ничего, — дайте уйти.

Король постоялъ минуту, подумалъ, повернулся и молча ушелъ. Дойдя до порога, онъ остановился въ какомъ-то колебаніи, взглянулъ еще разъ на Амадея, а затѣмъ направился въ свои апартаменты.

Хотя настоятель, о. Янъ, находился еще при дворѣ, но въ этотъ день король ужъ никого не принималъ, заперся у себя въ комнатѣ и пользовался услугами одного Кохана. Надо было много времени для того, чтобы улеглось его беспокойство.

Коханъ послалъ за о. Суховилькомъ, который могъ привлечь его государственными дѣлами. Послѣдній не замедлилъ явиться, неся новый кодексъ законовъ, для высшихъ судовъ, касающійся поселянъ, составленный на основаніи нѣмецкихъ статутовъ. Кромѣ того, Вѣржинокъ принесъ свѣдѣнія и планы для переустройства величкинскихъ соляныхъ копей. Эти два важныхъ дѣла вывели Казимира изъ оцѣпенія.

Между тѣмъ споръ съ епископомъ продолжался безконечно и король вынужденъ былъ снарядить пословъ въ Римъ.

Спустя годъ, весною, настоятель тынецкаго монастыря какъ

то пріѣхалъ въ Краковъ. Будучи всегда оживленнымъ и веселымъ, онъ былъ на этотъ разъ еще веселѣе разговорчивѣе. Онъ возвращался изъ Праги, куда ѣздить по дѣламъ своего ордена, и воспользовался случаемъ присмотрѣться ко всему, что тамъ дѣлается. Онъ былъ при дворѣ Карла и съ восхищеніемъ говорилъ о его жизни и великолѣпіи, которымъ былъ окруженъ монархъ. Хотя Прага была временной столицей государства, но туда съѣзжались князья изъ всей Нѣметчины, устраивались турниры, разныя забавы и вокругъ царя толпились ученые, артисты и всѣ, извѣстнѣйшія лица въ Европѣ.

Настоятель описывалъ все это съ большимъ увлеченіемъ и хвалилъ императора, который, какъ ему было извѣстно, съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ къ себѣ Казимира въ гости. Онъ только не рѣшился прибавить о красотѣ тамошнихъ женщинъ и удовольствіи бесѣдовать съ ними.

— Да, милостивѣйшій король, — сказалъ онъ въ заключеніе, — пора бы и вамъ поближе сойтись съ императоромъ для блага Польши. Союзъ съ нимъ придастъ ей новую силу, сдѣлается грознымъ для непріятеля, будетъ полезнымъ въ борьбѣ съ крестоносцами да и поддержитъ у папы. Кромѣ того, посѣщеніе Праги принесетъ вамъ личную пользу — новую жизнь, новыя впечатлѣнія, пріятное развлеченіе, и... кто знаетъ? можетъ быть, какіе-либо новые виды въ будущемъ, если бракъ съ королевой Аделаидой будетъ расторгнутъ. А это необходимо.

Король и самъ былъ того же мнѣнія, и давно бы поѣхалъ туда, если-бъ его не удерживало воспоминаніе о Маргаритѣ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что императоръ находился въ чешской столицѣ, онъ рѣшился поѣхать и послалъ туда съ предупредительнымъ письмомъ подкоморія Щедрика въ сопровожденіи Кохана Равы.

Щедрикъ былъ официальнымъ посломъ, а Коханъ — доверенный, который долженъ былъ все узнать, поразвѣдать и дать указаніе королю, какъ онъ долженъ держать себя при этомъ посѣщеніи.

Послы черезъ нѣсколько дней вернулись обратно съ радужнымъ и горячимъ приглашеніемъ. Коханъ съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ настоятель, рассказалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ тамъ. Считая ихъ, т. е. Щедрика и Кохана

передовыми сановниками польскаго двора, они удостоились чести быть приглашенными присутствовать на вечерѣ въ императорскомъ дворцѣ, и Коханъ, какъ красивый мужчина и франтъ, явился на вечеръ такъ, что не сдѣлалъ своему государю стыда, а потому былъ весьма благосклонно принять и обласканъ.

Имѣя большую склонность къ женщинамъ, онъ много рассказывалъ о красотѣ тѣхъ, которыхъ теперь видѣлъ.

— Тамъ было ихъ множество разной крови, какъ княжеской, такъ и рыцарской, — рассказывалъ Коханъ, — но никто не повѣритъ, что одна пражская мѣщанка, вдова, Христина Рокчанъ, красивѣе всѣхъ итальянокъ, французенокъ и нѣмекъ; она была царицей вечера и красотѣ ея позавидовала бы любая королева: всѣ на нее только и смотрѣли. Кромѣ красоты и двадцатилѣтняго возраста, ея драгоценный уборъ дѣлалъ ее еще красивѣе. Хотя она мѣщанка, но по своему наряду не уступала женамъ князей, виконтовъ и бароновъ.

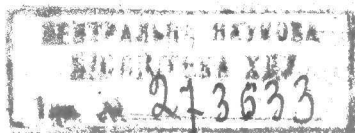
Король съ любопытствомъ расспрашивалъ о ней, а Коханъ предвидя, что онъ заинтересуетъ ею короля, собралъ о ней точнѣйшія свѣдѣнія. Онъ зналъ, что она была очень богатой вдовой, что къ ней сватались разные вельможи, что она была очень горда и неприступна.

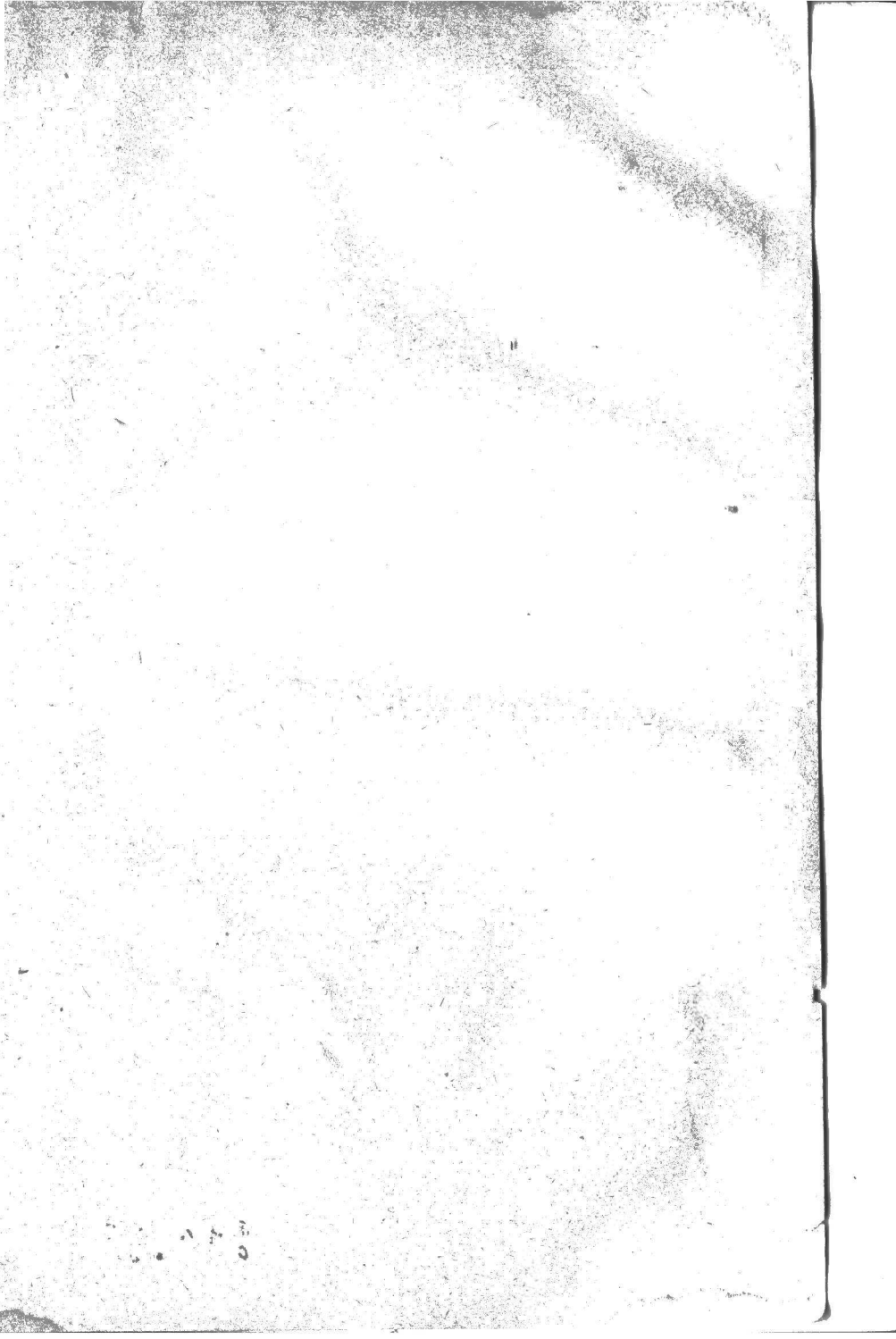
— Вѣрно, ты влюбился въ Христину, что рассказываешь о ней съ такимъ увлеченіемъ? — спросилъ Казиміръ, смѣясь.

— Сохрани Богъ! — воскликнулъ онъ. — Моя любовь была бы ничтожной для нея... Она мѣтитъ выше и едва ли посмотрѣла бы на меня. Ее ничѣмъ не расположишь, ни лестью, ни подарками... Она достаточно опытна и, какъ говорятъ, цѣнитъ выше всего достоинства и титулы. Навѣрное, кто-либо изъ придворныхъ женится на ней.

Въ концѣ марта, король Казиміръ со всѣмъ блестящимъ дворомъ, въ сопровожденіи отряда рыцарей, отправился въ гости къ императору.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Въ Главной конторѣ журнала „СВЕРЪ“ (Спб. Невскій, 70) продаются:

РОСКОШНЫЕ ПОРТРЕТЫ

2 р.

Е. И. В. Государя Императора

2 р.

НИКОЛАЯ II,

художественно исполненные по особому заказу (въ 19 красокъ, вышиною—15 верш. и шириною—12 верш.). Цѣна 2 руб. съ перес., а для гг. подписчиковъ журнала „СВЕРЪ“, казенныхъ учреждений и школъ—1 руб. съ перес.

СОБРАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ

Генрика Сенкевича

1) «Огнемъ и мечомъ»—въ 4 ч. (in 8°, 661 стр.). Цѣна: 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 80 коп. 2) «Потопъ»—въ 6 ч. (in 8°, 1058 стр.). Цѣна: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 3) «Панъ Володыславскій»—въ 3 ч. (in 8°, 552 стр.). Цѣна: 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Покупаящие всѣ 3 романа платятъ 5 р., съ перес. 6 р.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

4 р.

Н. Д. АХШАРУМОВА.

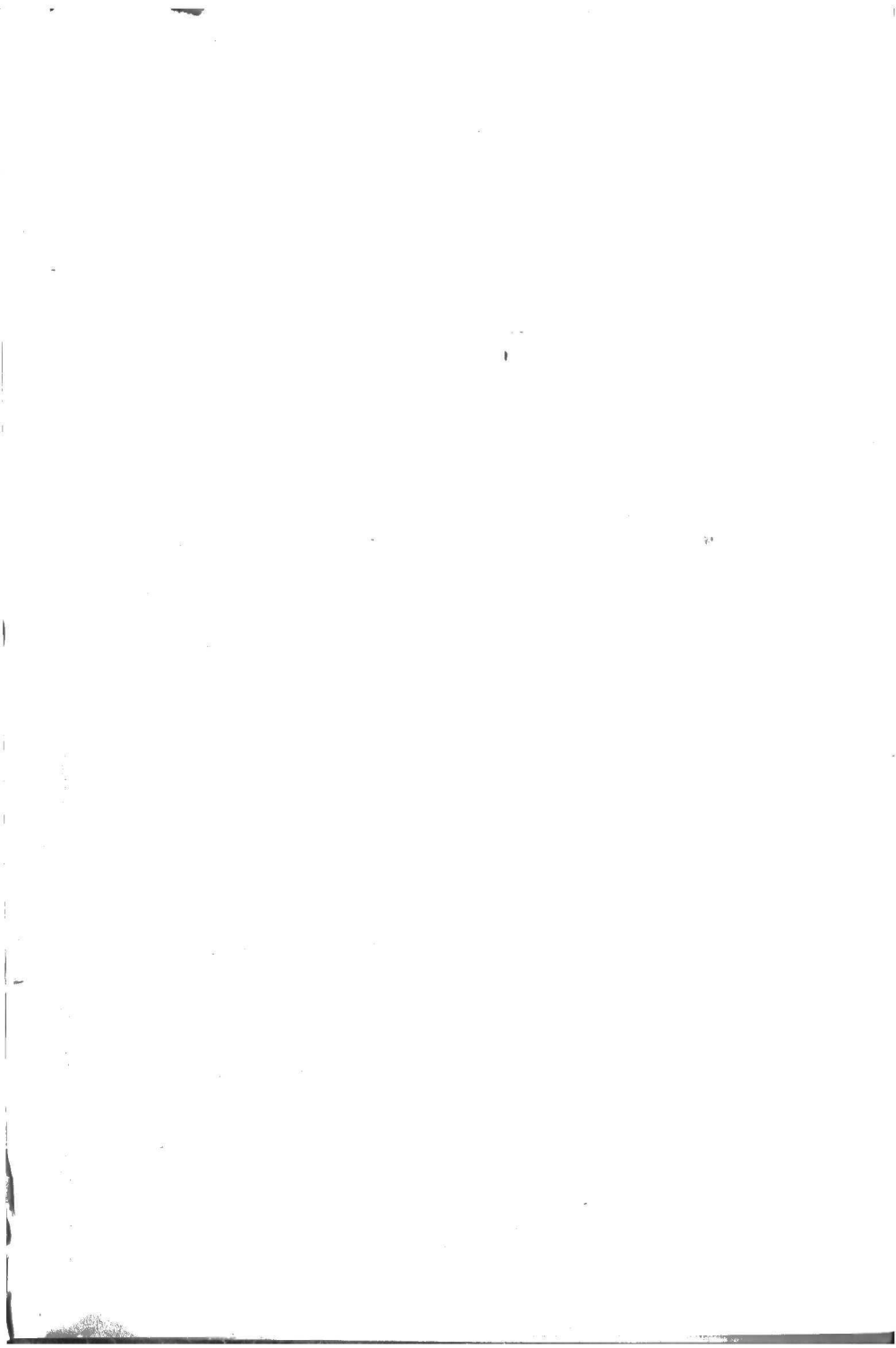
4 р.

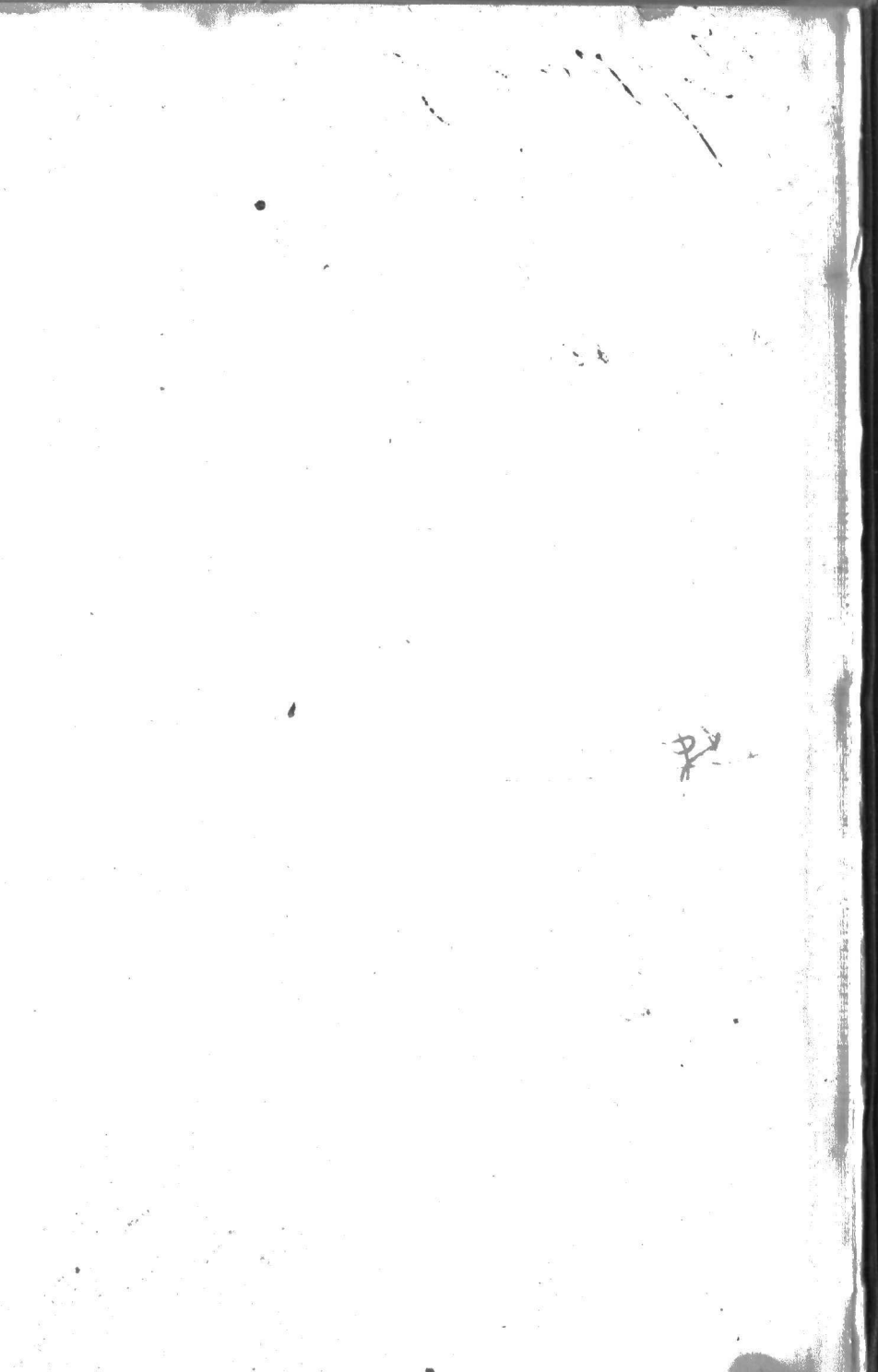
Въ 10 томахъ.

Съ приложеніемъ портрета автора, его автографомъ и биографическимъ очеркомъ. **ТОМЪ I:** „Чужое имя“, романъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я*, гл. I—IV; *Часть 2-я*, гл. V—XIII; *Часть 3-я*, гл. XIV—XXI. **ТОМЪ II:** „Родственники“, **ТОМЪ III:** „Свиленіе“, **ТОМЪ IV:** „Полюбовная сдѣлка“, **ТОМЪ V:** „Въ ожиданіи“, **ТОМЪ VI:** „Товарищи“, **ТОМЪ VII:** „Розыскъ“, **ТОМЪ VIII:** „Ариадна“, **ТОМЪ IX:** „Чужое имя“, ром. (окончаніе). **ТОМЪ X:** „Судьба“, **ТОМЪ XI:** „Суженый“, **ТОМЪ XII:** „На новыхъ мѣстахъ“, **ТОМЪ XIII:** „Гость“, **ТОМЪ XIV:** „Съ глазу на глазъ“, **ТОМЪ XV:** „Кузины“, **ТОМЪ XVI:** „Открытія“, **ТОМЪ XVII:** „Объясненія“, **ТОМЪ XVIII:** „Разсказы“, **ТОМЪ XIX:** „Ночное“, **ТОМЪ XX:** „Смерть Слѣпцова“, казакская повесть, **ТОМЪ XXI:** „Ночи въ воду“, романъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я* гл. I—VII; *Часть 2-я*, гл. VIII—XIII; *Часть 3-я*, гл. XIV—XXI. **ТОМЪ XXII:** „Мандаринъ“, романъ въ 4-хъ ч. *Часть 1-я*, гл. I—XV; *Часть 2-я*, гл. XVI—XXI; *Часть 3-я*, гл. XXII—XXVII; *Часть 4-я*, гл. XXVIII—XXXIII. **ТОМЪ XXIII:** „Мандаринъ“, ром. (окончаніе). **ТОМЪ XXIV:** „Двойникъ“, повесть. Предисловіе. I—Волъзянъ. II—Кризисъ. III—Ампутация. „Игрокъ“, повесть въ 2-хъ ч. **ТОМЪ XXV:** „Мудреное дѣло“, очеркъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я:* Отсталый. *Часть 2-я:* Между словомъ и дѣломъ. *Часть 3-я:* На дѣлѣ. **ТОМЪ XXVI:** „Грандане лѣса“, сказка въ 2-хъ ч. **ТОМЪ XXVII:** „Натурщица“, юридическая фикція. „Во что-бы ни стало“, романъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я:* Дѣло Липы. **ТОМЪ XXVIII:** „Во что-бы ни стало“, ром. (продолженіе). *Часть 2-я:* Принцесса въ поденщикахъ. **ТОМЪ XXIX:** „Во что-бы ни стало“, ром. (окончаніе). *Часть 3-я:* Отказъ отъ наслѣдства. —Выброшенная за бортъ.

Цѣна за 10 томовъ: 4 р. безъ перес., 5 р. съ перес.; въ роскошныхъ переплетахъ изъ цвѣтного англійскаго коленкора съ чернымъ и золотымъ тисненіями—5 р. безъ перес.; 6 руб. съ перес.

Гг. подписчики „СВЕРЪ“ за пересылку не платятъ. Высылка производится немедленно по полученіи руб. задатка (деньгами или почтовыми марками). Съ наложеннымъ платежемъ, безъ задатка, изданія не высылаются.

Гукаев

21 мая 1918. Баку.

Доджованович

Хан

Гампел

18.

Хан

КНИГИ

Авторь

Назв. кни

92

92

92